

Уолд Бейкер
Тайна послания незнакомки

Исторический детективный роман в двух частях

Уолд Бейкер

**Тайна послания незнакомки.
Исторический детективный
роман в двух частях**

«Издательские решения»

Бейкер У.

Тайна послания незнакомки. Исторический детективный роман в двух частях / У. Бейкер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934854-8

Действия в романе происходят в старой доброй Англии. На фоне детективных происшествий читатель видит развитие бурных любовных отношений.

Интрига сюжета столь своеобразна, что держит и завораживает на протяжении всего повествования до последней страницы, развязка столь неожиданна...

ISBN 978-5-44-934854-8

© Бейкер У.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	38
Глава 6	50
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тайна послания незнакомки Исторический детективный роман в двух частях

Уолд Бейкер

© Уолд Бейкер, 2018

ISBN 978-5-4493-4854-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Когда мне предложили отредактировать текст перевода романа с английского, я, оценив объём, хотел отказаться из-за нехватки времени. Набравшись терпения, дочитав первую главу, я настолько увлёкся сюжетом произведения, что с радостью согласился. Необычность романа заключается в том, что в нём параллельно развиваются две основные линии, которые занимают и захватывают полностью внимание читателя. Линия любви главных героев и линия криминальной истории.

На фоне детективного расследования удивительной загадки повествования главными героями романа, развиваются и крепнут чувства любви между ними. По ходу действия возникают сюжеты не столь острые, как в современных мыльных операх, но столь интересные и интригующие, что понимаешь то, что в руках держишь настоящую классику исторического детективного жанра. Конечно, как и положено, в детективе есть всё. Драки, стрельба, убийства, интрига. Но столь всё логично и правдоподобно. Невольно с каждой страницей глубже и глубже погружаешься в мир событий 19 века старой доброй Англии, в её нравы и обычаи той эпохи.

Главные герои романа абсолютно противоположные личности, с разными характерами и судьбой. Но что-то незримое и необъяснимое тянет их друг-другу, они сближаются ближе и ближе на фоне проводимого ими расследования. Встретившись однажды совершенно случайно, они становятся единомышленниками во многих вопросах понятия морали тех времён, культуры и нравов. Их чувства из простой симпатии перерастают в искреннюю и большую любовь, без новомодных истерик и измен.

Как и всякий жанр, детектив интересен тем, что не знаешь то, чем он закончится, поэтому в предисловии я не буду описывать сюжет романа полностью, но забегаю вперёд скажу, что это то, что стоит почитать, а прочитав, получить истинное удовольствие от действительно хорошей книги. Редактируя текст, я, сохраняя авторский стиль, сделал всё возможное для лёгкости понимания и удобочитаемости текста читателем.

В конце книги расположен краткий словарь терминов и примечаний переводчика с английского языка. Этот словарь поможет читателю ориентироваться в исторических названиях географических объектов, событиях и многом другом. По сути данный раздел является мини энциклопедией сюжета зарубежного исторического детективного романа 19 века. Значительно и с интересом пополнит знания и эрудицию любого книголюбца.

Михаил Курсеев

Часть 1

Глава 1

При солнечном свете комната выглядела вполне сносно, конечно, все слишком тяжело-вато, но именно так выглядела любая другая комната представителя среднего класса в Лондоне. Кресло Мортон было чересчур громоздкое, шторы выглядели слишком тяжёлыми; и казалось, что даже в воздухе чувствовалась тяжесть, но льющийся внутрь солнечный свет всё освещал ярко и жизнерадостно. Впрочем, после шести месяцев отсутствия, два из которых он провёл в одной из тюрем Центральной Европы, для него собственный дом выглядел бы замечательно даже при проливном дожде.

– Ну, что ж – произнёс Мортон, наконец-таки, уютно располагаясь в любимом кресле, – Мы сделали это! Он был шести с лишним футов¹ ростом, худощавый, за пятьдесят, с огромным а-ля Панч² носом и не нафабранными усами, которые свисали по уголкам его рта. Даже в ейгеровском³ халате и пижаме в его внешнем виде было что-то от Американского Запада. Фрэнк, стоявший напротив, скорчил гримасу, а Мортон продолжил монолог:

– Да, хотя я вовсе не уверен в том, что понимаю, что ж мы сделали, не считая того, что мы предприняли бесплодную затею и вернулись безо всего, что взяли с собой, сохранив лишь собственные шкуры.

Мортон, наблюдая за очень большой собакой, чей вид спереди напоминал бультерьера, сказал:

– Джек уже никогда не будет прежним. И, слава Богу.

Там в тюрьме верный пёс Джек потерял тридцать фунтов⁴, потому как сидел на капустно-картофельной диете, да и количество овощей было не ахти. Они все похудели, но Мортон по-прежнему считал, что их путешествие было триумфом. После месяца, проведённого в Париже за изучением того, как разобрать легковую машину, а потом собрать её, они отправились на Даймлере восьмой модели через Францию, Германию и Австро-Венгрию в Альпийско-Карпатскую часть Европы. После ряда приключений (включая ремонт шины тридцать раз, буксировку через горный перевал восьмью ломовыми лошадьми, трёхнедельное ожидание бензина), они въехали в Трансильванию⁵, где их арестовали как шпионов. Автомобиль, ружья Мортон и почти законченный роман остались там, захваченные властями, как «военная контрабанда».

Получилась громкая история, которая вызвала публикацию большой серии статей в Англии, Америке, Франции и Германии, и теперь благодаря им, появилась популярная книга (как и предполагалось, поскольку цель-то была именно такая) «Автомобили и Нелюди» или «От Парижа до Страны Дракулы на автомашине». Мортон хлопнул руками по подлокотникам кресла и воскликнул:

– Бог свидетель, мы сделали это! Видеть больше капусту никогда в жизни не хочу. С другой стороны, посмотри, как у тебя развился вкус на хлеб, испечённый из опилок. На кожу и кости Джека тоже посмотрите. Мортон протянул руку и Джек лизнул ладонь от кончиков пальцев до запястья.

– Жаль, что он укусил того таможенника. Этот идиот угрожал нам; и чего вы ожидали? Кровожадные тираны из Центральной Европы.

– Вам не следовало говорить ему: «Взять его!» – заметил собеседник Мортон.

– Кто же знал, что Джек обучен нападать? – ответил устало Мортон.

Они оба пили кофе, Фрэнк, стоя, из какого-то чувства укоренившегося протокола, хоть и был он одет в поношенный, во многих местах потёртый, вельветовый халат. Роста он был

небольшого, а первоначальный владелец халата был мужчина крупный. Жуя кусочек тоста, Мортон налил себе ещё кофе и, глядя снизу вверх на Фрэнка с улыбкой, не скрывавшей его искренность, сказал:

– Я бы никогда это без тебя не сделал.

– И я бы тоже, генерал, я уверен, не считая, конечно того, что я бы никогда это не сделал без вас, прежде всего, потому что я никогда не был настолько безрассуден, чтобы отправляться в такие легкомысленные путешествия.

Фрэнк дёрнулся вверх в своём халате, пожав плечами, как бы избегая тем самым дальнейших благодарностей, и продолжил:

– Мы в утренней прессе. Статья – «Известный романист возвращается». Меня тоже упоминают – «преданный слуга-солдат Герберт Фрэнк». Преданный, надо же. Я вам больше пока не нужен?

Мортон начал разрывать конверты, скопившиеся за шесть месяцев, пытаясь попасть скомканными бумажками в камин, и каждый раз промахиваясь. Он надеялся обнаружить письмо от одной дамы, но напрасно.

– Подожди – остановил Мортон слугу.

Он надорвал конверт из особой плотной бумаги, отметив, что оно было отправлено из «Олбани», некогда фешенебельного многоквартирного дома для одиноких мужчин (именно так, «Олбани», без артикля, хотя большинство людей, пишут его с артиклем, как это делал Оскар Уайльд). Нашёл там письмо на такой же плотной бумаге с каким-то тиснением и ещё один конверт поменьше, полегче и без тиснения. Он прочёл несколько слов на тиснёной бумаге, затем осмотрел конверт поменьше с обеих сторон, но не вскрывал его.

– У нас пар внизу найдётся?

– Если вы намерены запустить пароход, то нет. Если устроит, то есть пар от чайника.

Мортон передал маленький конверт и пробормотал, что не хочет, чтобы конверт был повреждён, на что Фрэнк, ответил, что, конечно, у него есть привычка ломать всё, что попадётся ему в руки. Он исчез в темноте дальнего конца комнаты и начал спускаться вниз, Джек потащился за ним. Оставшуюся часть почты Мортон отбросил в сторону, едва пробежав по ней глазами. Приглашения он швырнул в сторону камина не вскрывая, потому что он никуда не ходил, и потому что они были многомесячной давности. Бегло просмотрел привычные письма от людей, которые в восторге от его книг и которым только и надо, что продать «верную идею самой продаваемой книги» из истории их жизни, иногда – занять деньги. Единственными новостями среди всего этого были четыре, нет – шесть; ещё две были в самом низу этой кучи – от некого Альберта Джадсона, выражавшего безграничный восторг по поводу его книг и проникновенный трепет от его гениальности. Первое письмо, отправленное месяц назад, содержало просьбу прислать подписанный экземпляр одной из книг: «Пожалуйста, подпишите Альберту Джадсону», конечно, никакого намёка заплатить за книгу. Остальные – это восхваляющие гимны, один из которых начинался: «Уважаемый мастер», другой – «Дорогой мэтр» (по-французски). Два письма были написаны в один и тот же день, три дня назад: «С нетерпением ожидаю вашего возвращения, которое вернёт величайшего литературного англоязычного художника», и просьба – подписать экземпляры всех его книг. Альберт Джадсон также полетел в огонь.

Мортон был американец. Он писал неприкрашенные, реалистичные романы об американских фермерах и соблазнах, о демонах-искусителях, которые мучили их, и никогда не думал о себе, как о литературном художнике. Он предпочитал жить в Лондоне, и предпочитал жить хорошо, не так, как живут его герои. По этой причине его единственным сожалением в связи с его поездкой в Трансильванию было то, что большая часть его нового романа, уже оплаченного издателем, и ожидавшего быть вот-вот опубликованным, как это следовало из письма

издателя, – была изъята при аресте и не возвращена после их побега. Или после того, как им позволили бежать, что, по его мнению, на самом деле и произошло.

К тому времени, как он закончил с почтой, Фрэнк уже стоял позади него с открытым с помощью пара письмом на подносе.

– Серебряные вещи, – приятно – сказал Мортон.

– Это называется поднос, как в лучших домах...

– Этот дом – не один из лучших.

– Гм – промычал Фрэнк.

Мортон извлёк находившийся внутри свёрнутый лист бумаги, пододвигая его кончиком ножа для вскрытия конвертов, дал ему упасть себе на колени, где тем же инструментом он раскрыл его и удерживал, чтобы можно было прочесть. Когда он закончил, то спросил:

– Ты его читал?

– Я не осмелился.

– Ни за что не поверю.

Мортон перевернул листок, изучил обратную сторону и только тогда взял его пальцами и протянул Фрэнку.

– Посмотри, что думаешь?

Фрэнк прочитал его, промолвив:

– Писала женщина.

– Отлично. Большинство людей по имени Кэтрин – женщины.

– Бойтся физической расправы.

– Да, именно так и говорит.

– Вы ведь знаете, что она делает, полковник, не так ли? Та же старая песня – кто-то видит привидения и слышит грабителей под кроватью, и что делает она? Пишет письмо шерифу!

– Я не был шерифом; всего лишь начальником полицейского участка городка.

– И они ожидают, что тут появитесь вы на своём верном коне ФИДО, сверкая шестью стволами! Вот к чему она клонит. Ещё одна истеричная дамочка, хочется немножко чего-то захватывающего.

– Тебе бы, Фрэнк, писать романы, а не мне.

– Хорошо, что вы собираетесь делать?

– Ничего.

Мортон повернулся и посмотрел на слугу.

– Посмотри на дату.

Фрэнк изучил письмо и внезапно понял, в чем дело.

– Вот тебе на, ему уже два месяца.

– Два с хвостиком. Мортон взял письмо на плотной бумаге, в котором был маленький конверт с припиской: «Дорогой г-н Мортон, я обнаружил это послание за недавно приобретённой миниатюрой Грейгарс. Поскольку оно адресовано вам, как порядочный почтальон, пересылаю вам. С глубочайшим уважением, Давид Корвуд».

Он передал письмо Фрэнку.

– Какова претенциозность – миниатюра Грейгарс! Какой-то идиот из Олбани желает, чтобы все в Лондоне знали, что он купил картину.

– Грейгарс – это про картину?

– Не строй из себя болвана, Фрэнк! Что это на тебя нашло?

– Я думаю о более высоких материях.

Мортон вздохнул. В тюрьме Фрэнк некоторым образом приобщился к религии, вроде источника новой угрюмой замкнутости.

– А что, набожность должна быть лишена юмора? – произнёс он.

– Не думаю, что она подразумевает юмор – возразил Фрэнк.

– Совершенно очевидно, что в Библии есть шутки.

– Очень надеюсь, что нет!

– Богу определённо должно быть позволено смеяться. И Иисус где-то смеётся, не так ли? – Мортон уже было подумал рассказать Фрэнку американскую шутку про то, как раввина и католического священника чуть не сбила карета, и так далее, но он не был уверен, уместно ли это будет.

– Это о женщине? – спросил Мортон вместо шутки

– Теперь вы меня обижаете.

– Это так, будто женщина вводит тебя в Скинию⁷ Может быть – это Катя?

– Я дам тебе знать, если будешь продолжать в том же духе. Нет ничего предосудительного в том, что голос, призвавший тебя к Богу, был женским. Прочти Адам Бид

– Кто он?

– Это название книги, в которой добродетельный мужчина влюбился в женщину-священника. Только не в вашу обычную. Фрэнк был большим поклонником Чарльза Лёвера⁸.

– Мне слышалось Адам Бид...

– Джордж Элиот⁹ – автор этой книги.

– Никогда о нем не слышал.

– Это она. Величайшая романистка Англии.

– Ну, у меня таких возможностей не было.

– У вас были точно такие же возможности, как и у меня. Вы просто ими по-другому воспользовались.

Это было правдой только отчасти: они оба служили в армии, оба были бедны, но один был англичанином, а другой – американцем, один был слугой, а другой – фигурой известной, даже знаменитой. Мортон показал на письмо.

– Ну, что скажешь об этом?

– Я думаю, что этот джентльмен несколько серьёзно, претенциозно, как вы сказали, к этому отнёсся, лично я ничего подозрительного не вижу. Он покупает картину, находит конверт, отправляет его человеку, которому он предназначался. За прошедшее время след остыл; сегодня даме либо уже причинили зло, либо ещё нет.

Мортон прочитал письмо дамы вслух: «Дорогой г-н Мортон, мне бы хотелось зайти к вам как-нибудь вечером, чтобы услышать от вас совет. Я полагаю, что кто-то угрожает причинить мне зло, и я совсем не знаю то, что мне делать. Если мне будет позволено, я зайду, а если вас не будет, то вернусь ещё раз. Кэтрин Джонсон». Фрэнк налил чашку кофе и поставил ее перед Мртоном.

– Никакого вежливого выражения в конце – просто «Кэтрин Джонсон». Наводит на размышление. Налей и себе кофе.

– Не стану возражать. Наводит на размышление о чем?

Мортон пожал плечами.

– Необычность? Скорее, невежественность.

– Нет, чувствуется рука, рука обученная, как она говорит: «Мне бы хотелось».

– Мдааа. Может, торопилась или, может, хотелось казаться деловой, а, может, и что-то необычное.

– Вас это увлекло потому, что письмо было найдено за картиной – этой художественной мазней. Вы думаете: «Ах, живопись, ах, Богема, ах, нетрадиционно – это как раз для меня! Торопите события, генерал»!

– И как можно что-то найти за картиной? – подумал Мортон.

Мортон потягивал кофе. Фрэнк к этому времени уже уселся в другое кресло.

– Он не имел в виду стену за картиной, поскольку он говорит, что купил ее, а я ни за что не поверю, что он купил и стену. Что он, вероятно, имеет в виду, так это – сзади на картине. Это не моя сфера деятельности – продолжил вслух Мортон.

– И не моя, но мы оба переворачивали картины – ответил Фрэнк.

Четыре или пять из них висят на стене, ещё две в зале внизу, обе, конечно, барахло, но Мортон их купил потому, что они большие, а он хотел заполнить больше места.

– Я полагаю, Давид Корвуд хотел сказать нам: «Теперь вы заинтригованы». Да, заинтригован. У меня какое-то чувство вины, или беспокойства, или чего-то в этом роде. Женщина думает, что она обратилась ко мне за помощью, а я как бы не слышу ее крик, пока не станет уже слишком поздно.

– Вряд ли это ваша вина, сэр, так? Она ведь так и не отправила письмо, верно? На нём ведь нет почтового штампа, или есть? Обратную сторону картины вряд ли назовёшь Королевской почтой, согласны? Во всех отношениях, нет. Она нашла ему лучшее применение; так что вы ни в чем не виноваты и свободны.

– Почему она спрятала письмо сзади на картине?

– Вы уверены в том, что это сделала она? У вас нет на то свидетельств.

– Ну, тут ты прав. Но письмо не могло спрятать само себя сзади на картине. Вряд ли найти ему лучшее применение, чем было спрятать его там, согласен? Мусорная корзина была бы лучшим местом.

– Но вы ведь не знаете, она это сделала или нет. Это спорно.

Мортон смотрел на Фрэнка изучающее, или так казалось; на самом деле он думал об этой женщине и о тех, кто мог бы желать причинить ей зло и ответил:

– Думаю, мне бы хотелось знать, где г-н Корвуд купил картину.

Фрэнк поднял брови и встал, собрал чашки и положил их в остатки завтрака Мортон.

– Ну, я пошёл – сказал он.

– И что намерен делать?

– Сгружу это все миссис Чар и буду читать свою Библию. Хочу поискать шутки. Вы заставили меня задуматься над этим.

– Хорошо, иди.

Фрэнк дошёл до конца комнаты, поставил поднос в кухонный лифт и произнёс из полумрака:

– Подумайте вот над чем, меня нельзя понять мирскими умозаключениями. Я праведник благодаря Откровениям Иоанна Богослова.

– Хорошо, когда у тебя слуга праведник.

Фрэнк спустился вниз, и дверь с шумом захлопнулась за ним. Мортон не хотел лишать человека его религии, если ему так искренне комфортно, но Фрэнк нравился ему больше, когда он делал всё, как в комическом выходе слуги из мюзик-холла. После тридцати одного года в британской армии Фрэнк был совершенным денщиком, лгуном, воришкой и эстрадным артистом. Он умел готовить, гнуть свою линию, спорить с кредиторами, делать замечание по этикету и пародировать всех офицеров, которым он когда-либо служил. Мортон был уверен, что он и его пародирует, или, по крайней мере, делал это, пока в нем не проявилось кальвинистское неприятие юмора. Фрэнка нужно было выводить из приступов подавленного настроения, подумал Мортон; нужно, чтобы его захватил новый интерес.

Что ж, может, устаревшее письмо от Кэтрин Джонсон, как раз могло бы это сделать.

Он поднялся наверх в комнату, которая служила ему и как спальня, и как кабинет, заваленный теперь реликвиями жизни после тюрьмы. Он отшвырнул поношенные сапоги, в которых он топал из Трансильвании, соломенный чемодан, который был всем тем, что он мог себе позволить в Клузе¹⁰. Отодвинув брезентовую куртку, которую он носил, будучи палубным матросом на пароходе на Дунае, сел за пыльный письменный стол.

Его мучило то, что от неё не было письма. Может, она не знала, что он выбрался. Может быть, она думала, что он мёртв; она жила в мире проституток и нищеты, редко читала газеты, никого не знала. Он вздохнул. Во время поездки они переписывались; даже в тюрьме он писал ей, в последние недели почти каждый день. До ареста письма от неё доходили до него; потом он ничего не получал, не ожидал получить, но, когда они проезжали по пути назад через Париж, он отправил ей телеграмму. Думал – скорее, надеялся – что найдёт записку, в которой она просит навестить ее. Возможно, телеграмма до неё не дошла. Возможно.

Он попытался написать ей письмо, что он живой, что он в Лондоне, колеблясь, написал сначала: «Моя возлюбленная Таис», затем довольствовался – «Моя дорогая миссис Мельбур». Остановившись, наконец, на «Дорогая миссис Мельбур», на целой странице написал о том, что не получал от неё писем в тюрьме, о том, что, когда был в бегах, не получал вообще почты, обо всём этом. После всё вычеркнул, и просто написал: «Я бы хотел тебя увидеть. Можно я приду?» Он отправил недовольного Фрэнка найти курьера на Рассел Сквер, чтобы тот доставил это на телеграфе с оплаченным ответом.

Мортон сидел, положив голову на руку, опираясь локтем на стол, уставившись сквозь немывтое окно на тыльную сторону дома в сорока ярдах¹¹ от него. Он снова глубоко вздохнул. От радостного настроения раннего утра ничего не осталось; а мучали: молчание Дианы Мельбур, тайна женщины, которая спрятала письмо на картине, раздражение на Олбани, который его нашёл. Он решил написать ему: «Должен поблагодарить вас за пересылку мне конверта, который, как вы говорите, нашли сзади на миниатюре Грейгарс. Могу ли я зайти к вам, чтобы обсудить вкратце эту тему?». Он полагал, что г-н Корвуд согласится, поскольку он был почти уверен, что г-н Корвуд – такой тип претенциозной задницы, который бы выкинул письмо в камин, если бы не узнал, что оно адресовано хорошо известному автору.

Вопрос вот в чем – почему Мортон вообще хочет обсудить эту тему с ним? Как это часто с ним случалось, его собственные мотивы, похоже, основывались на некоем чувстве вины за что-то не сделанное. Его мрачное настроение усиливалось. Единственным, известным ему противоядием, была работа. Надо начать работать; надо попытаться восстановить роман, который он не смог вывезти из Центральной Европы. Он сделал его набросок в общих чертах, перед тем как покинул Лондон шесть месяцев назад, который должен лежать в ящике его письменного стола.

Мортон выдвинул ящик. Он был пустой. Он уже было собрался позвать Фрэнка, когда обнаружил того стоящим в дверях. Мортон спросил:

– Ты прибирался у меня на столе?

– Маловероятно. Вы знаете, некого мужчину с рыжими усами и в чёрном котелке?

– Ты нашёл посыльного?

– Конечно же».

– У меня кое-что из стола пропало.

– Времени, что я был дома, было не достаточно, чтобы стянуть это. Вы же знаете чёрный котелок и рыжие усы или нет?

Мортон посмотрел в других ящиках.

– Надеюсь, что нет. А в чем дело?

Вон кто-то смотрит на нас из окна дома позади нашего.

– Полагаю, живёт там.

– Служанка двумя этажами выше сказала, что дом тот пустой и сдаётся внаём. Когда я возвращался после поисков курьера, то видел, как он там прятался. Посмотрите сами.

Они оба прошли по коридору к фасаду здания и вошли в маленькую спальню на том этаже, которую он никогда не использовал. Стоя бок о бок, они выглянули вниз на улицу.

– Исчез, – сказал Фрэнк, – я так и знал, подозрительно – фыркнул под конец.

– И что в нем подозрительного?»

– У него был странный, чудаковатый вид.

– Наверное, то же самое он мог бы сказать и о тебе.

Мортон вернулся к столу. Фрэнк последовал за ним.

– Ну, раз уж я так далеко забрался, то мог бы забрать вашу одежду. Заметив ничего не выражающий взгляд Мортонa, он добавил, – чтобы ее проветрить. Шесть месяцев в платяном шкафу. Позволите?

– Поторопись, я работаю – ответил Мортон, и снова начал рыться в ящиках, которые уже просмотрел.

– Может, он и дурачил меня.

Фрэнк нагрузил себя шерстяными костюмами. И, уже выходя, сказал:

– Этот тип – плохой актёр, уж поверьте мне. Они знают, что вы вернулись, полковник.

– Кто, они?

– Ваши враги.

Мортон надел старую рубашку и откровенно мешковатые вельветовые брюки, запихнул ступни в кожаные тапочки, и поднялся на один пролёт выше на мансарду. Может, там оставил набросок? Необработанное дерево пахло так же, как и шесть месяцев назад – пылью, сухостью, смолой. Его хитрые приспособления для упражнений, похоже, тоже выглядели по-прежнему, как и гири. Полицейские кольты, закрытые в оружейные ящички, были спрятаны под массивным гребным тренажёром. Однако, старого колта морской модели, который был с ним со времён Гражданской войны, на месте не оказалось; как и его романа, и дерринджера¹² Ремингтон, которые не вернулись из Трансильвании. Черновика тоже не было видно. Мортон поднял стофунтовую гирю и понял, что ослаб в тюрьме. Сев в гребной тренажёр, он посмотрел вверх на застеклённую крышу, чтобы убедиться, что никто не пытался проникнуть через неё. Закончив проверку своей территории, как собака, описывающая углы, вернулся вниз.

Потом он снова сел, пытаясь собраться и вспомнить, слово за словом, тот роман, который румыны сочли слишком опасным, чтобы вернуть его.

Глава 2

Черновика нигде в доме не было. И все-таки роман в основном сохранился у него в памяти, это всё ещё был его роман, если уж он так торопился перенести его на бумагу. Он уже встречался с этим феноменом раньше, когда он потерял страницу или две какой-то вещи и был вынужден заново переписывать их, а когда он потом нашёл оригинал и сравнил их, то обнаружил, что второй вариант почти в точности воспроизводил первый. Процесс написания – это было сосредоточение, концентрация мысли и размышлений и то, что требовало усилий, оставалось у него в голове. Теперь вытаскивание этого оттуда, изложение его на бумаге стёрло всё остальное – Таис Мельбур, миниатюру Грейгарс, некого, кто, возможно, следил за ними из дома позади. Хотя эта идея Фрэнка была несколько надумана, она всё равно была оскорбительна: ему очень не нравилось, когда за ним следят. Его раздражало даже то, что кто-то читает через его плечо.

В два часа он отложил ручку и потёр глаза. Левое болезненно жгло. Он подумал, что, вероятно, скоро ему потребуются очки. На расстоянии он видел хорошо – он по-прежнему мог попасть в изображение пиковой масти на тузе с двадцати ярдов, что он и доказал скептически настроенному начальнику румынской тюрьмы. А вот чтение и письмо доставляло глазу боль. Идея очков уязвила его самолюбие, напомнила ему о Таис Мельбур и вернула ему чувство переутомления.

– Пойду, прогуляюсь – крикнул он вниз. Пройдусь, – подумал он, проветрю мозги. Ну, в любом случае, просто отнесу написанные страницы к машинистке на Ллойд Бейкер стрит. Он бы никому больше не доверил этого – это был его единственный экземпляр, и он не хотел рисковать потерять его во второй раз.

Мортон начал натягивать другие брюки и другую рубашку, потом подошёл к лестнице и прокричал вниз:

– Мы все ещё носим чёрное? Королева Виктория умерла в январе; они покинули Лондон в марте, тогда город был всё ещё в трауре.

Фрэнк был двумя пролётами ниже. В ответ он тоже крикнул:

– Что?

– Мы все ещё носим чёрное?

– Нет, мы уже не носим! Фрэнк поднялся ко второму этажу, так, что его голова появилась на нижнем уровне ступенек, на которых стоял Мортон.

– Новый король сказал, что три месяца траура достаточно. Наденьте коричневый повседневный костюм.

Коричневый костюм был единственным оставшимся в платяном шкафу. Месть Фрэнка за использование его в качестве рассыльного, – подумал Мортон, ему не нравился этот костюм, и Фрэнк знал об этом. Проходя через холл на нижнем этаже, он автоматически потянулся к ящичку на каминной полке и затем убрал руку. Он обычно брал с собой из ящичка дерринджер и клал его в карман, но дерринджер из тюрьмы не вышел. И всё-таки он приподнял крышку ящика, как будто его маленький пистолет мог там материализоваться. Не получилось.

Он прошёлся по Грей Инн Роуд, поднялся по ней до Амpton Стрит и пересёк её по направлению в Ллойд Сквер, время от времени останавливаясь посмотреть, нет ли кого сзади. Никого не было. Мысль о том, что за ним следует человек в котелке с рыжими усами, о том, что за ним следят, беспокоила его.

Увидев его, машинистка, как всегда, разволновалась; они почему-то приводили друг друга в смущение, как будто у них было или будет какое-то интимное прошлое или будущее, о котором они не осмеливались поговорить. Мортон передал написанное и быстро удалился строну Пентонвиль Роуд, где, внезапно запрыгнул в омнибус. Хотя, внезапностью это не назо-

вёшь, поскольку, он всё ещё думал о «человеке в котелке» и с рыжими усами Фрэнка, снова захотел убедиться в том, кто ещё сел с ним, но никто не привлёк его внимания, а единственный усач в omnibusе имел пшеничные усы. Он решил, что Фрэнку определённо чудились приведения, как следствие его нездорового интереса к религии.

Поездка и сам Лондон воодушевляли его, да и денёк выдался солнечный и не очень прохладный. У этого города было какое-то потрясающее чувство суеты, пульсирования, будто это было живое, растущее существо, которое постоянно сбрасывает старую кожу и появляется в новой. Он подумал, что ему надо бы навестить друга – ну, знакомого, по – крайней мере в Нью-Скотленд Ярде и сообщить о письме Кэтрин Джонсон, ничего-то в нём особенного нет. Пусть полиция им занимается. Чувство вины подсказало, что сначала ему надо бы зайти к своим издателям, где его, скорее всего, ждёт неприятный разговор по поводу его романа, который в лучшем случае будет закончен на два месяца позже срока.

Он сошёл у Лондонского моста¹³, пересел на маршрут №21 и доехал на нём до церкви Темпла¹⁴. Под начавшейся моросью пошёл по маленьким извилистым улочкам к северу от Темпла Бар¹⁵, от Лондон Айзека Уолтона¹⁶ к обветшалому зданию офиса издательства Твен и Бёрс. Его редактором был бесстрастный, сухопарый человек по имени Диапазон Лунг (его отец был довольно известным органистом), который, увидев Мортон, крайне возбудился. Ни тебе – «с возвращением в Лондон», ни вежливой болтовни о поездке.

– Я ужасно рад, что ты пришёл – сказал он, наконец-то, – ужасно рад.

Лунг был старше Мортон, совершенно очевидно бесполой, влюблённый только в книги.

– Ты принёс новую книгу? – Голос звучал безнадежно; он и сам уже видел, если только у Мортон в плаще не было потайного кармана-кенгуру, то рукописи с ним не было.

– Рукопись в Румынии – Мортон пытался придать всей истории незначительность, – полковник Цилеску говорит, что роман на английском – это военная контрабанда. Я его заново записываю, Лунг, быстро, как могу.

– Боже мой! Неужели? Твен будет вне себя.

Он смотрел на Мортон, как бы вызывая к помощи. Твен – это Уилфред Твенет, издатель; похоже, Бёрс, как имя в названии компании не существует. Лунг взял в руки ежедневник. Твен, когда узнал, что романа нет, больше всего расстроился из-за автомашины, её тоже забрали. Твен ужасно расстроился. Он говорил весьма нелицеприятные вещи. Издатель купил эту машину, в которой Мортон совершал свою поездку в Трансильванию; это было оговорено контрактом, частью сделки. По возвращению машины в Лондон она должна была быть передана компании. Твен даже предположил, что Мортон её продал там.

Мортон приходило в голову, что Цилеску позволил им бежать с той целью, чтобы оставить Даймлер себе, но он не собирался говорить это Лунгу. В сегодняшней ситуации это прозвучало бы очень похожим на то, что ею они выторговали себе свободу. Он улыбнулся и заметил, что машина была застрахована.

– Да, конечно, но страховщик артачится. Им нужны доказательства. Они хотят знать, заявлял ли ты об этом в полицию».

– Полковник Цилеску и был той самой полицией.

– Да, все это очень затруднительно. Твен ужасно расстроен. Он обвиняет меня – размышлял Мортон. Идея написания такой книги была первоначально Твена, хотя именно Мортон включил в контракт, фактически потребовал и автомашину.

Лунг вздохнул так звонко:

– Он так волнуется, потому что роман не будет написан.

– Работаю быстро, как только могу. Дайте мне месяц, Лунг, и у вас будет книга, о поездке в Трансильванию; она принесёт кучу денег! В чем проблема? Я написал о путешествии серию статей во время поездки.

Лунг посмотрел на Мортон болезненными глазами.

– Он поговаривает о том, чтобы вычесть стоимость машины из гонорара.

Мортону нужны были эти деньги для жизни. Он почувствовал, что закипает от гнева, но справился с этим.

– Ты прекрасно знаешь, что он не будет этого сделать. Или я потащу его в суд.

– Я знаю, знаю! – голос Лунга прозвучал как стенание. Он посмотрел на гравюру на стене – «Ночной кошмар» Элиху Веддера¹⁷, неясные очертания склонившегося над полуобнажённой девой демона – и, обращаясь к ней вместо Мортон, сказал:

– У нас будет небольшая вечеринка. Пожалуйста, приходи. Может, это как-то смягчит его.

– Ненавижу вечеринки.

– Она по случаю презентации сборника мистических историй с привидениями. Там будет сам Генри Джеймс¹⁸!

Лунг, который обожал ужас в любой его форме, собрал рассказы двадцати авторов, не все они публиковались в их издательстве. Одним из них был Мортон, Джеймс был вторым. Было бы очень кстати, если бы ты пришёл.

– И захватил с собой автомобиль?

– Вовсе не смешно.

– Я пошлю Твену письмо, в котором всё объясню. Твену это доставит удовольствие.

Лунг простонал, что не доставит, это уж точно.

– Всё будет хорошо, Лунг.

Лунг опустил свой узкий лоб на сухощавую ладонь и посмотрел на Веддера.

– Нет, не будет, – произнёс он.

На этом Мортон попрощался и направился в Нью Скотленд-Ярд.

– О, какие люди! Как поживает шериф Ноттингема?

– Я не был шерифом; я был начальником полицейского участка городка.

– Вы похудели – прохрюкал сержант уголовной полиции Пансо, а вот я – нет.

Пансо прихрамывая, пошёл через приёмную навстречу Мортону, опережая посыльного, который направлялся к нему с визитной карточкой Мортон. Он был крупным мужчиной, как и большинство детективов сегодня, с массивной головой, которая, казалось, перерастала вниз от волос в пару огромных челюстей, делая его почти похожим на неандертальца. Он мог быть бесцеремонным, язвительным, жёстким, но он был одним из самых надёжных людей, которых Мортон когда-либо знал. И он знал свою работу.

– Я попал в тюрьму, – сказал с усмешкой Мортон.

– Да, я читал в прессе. Поднимайтесь вверх. Чашечку чая?

– Вы получили повышение?

– Меня повысили до того, как вы уехали из города – благодаря вам, именно это я имею в виду, Мортон – благодаря вам. Это вы вернули меня в отдел уголовного розыска.

Мортон что-то пробормотал. Часть заслуг Пансо получил за розыск убийцы, которого Мортон застрелил.

– Как поживает ваша дама? – спросил Пансо.

– Я её ещё не видел.

– Она простила вас за пулю, что пролетела у неё над ухом?

– Она не сказала.

Таис Мельбур прикрывались, Мортон застрелил человека, который её прикрывался и уже ударил её по лицу один раз. Это было правдой, пуля на самом деле прошла прямо над её ухом, чтобы попасть ему точно в глаз.

Они поднялись по лестнице вверх и повернули в коридор, где не осталось и следов от мрамора, и началась неряшливая жизнь полицейской жизни. В конце была огромная комната, заставленная деревянными столами, заполненная людьми. Мортон насчитал минимум

дюжину, многие из них были без пиджаков; в комнате висел спёртый воздух табачного дыма, смесь табака, нервного пота и мокрой шерсти.

Пансо махнул кому-то, и появились две белые кружки с чаем; он указал на стул у стола такого же, как и все остальные.

– Присаживайтесь.

– Что-то пистолетов не видно, – заметил Мортон.

– Это вам не племя индейцев ассинибойн¹⁹. Пансо был канадцем и сотрудником Королевской канадской конной полиции – второй набор, юность канадского Запада.

– Мы расследуем, а не стреляем.

– Вам нравится?

– Просто рай, в сравнении с переключиванием бумажек, чем я раньше занимался. Вся эта компания здесь ничего, кроме как жалуется, не делает; я им говорю, что неделя развязывание гор бумаг и перевязывание их обратно лентами в Аннексе (район Торонто, Онтарио, Канада), и они продали бы своих жён, лишь бы вернуться сюда.

Он отпил чаю, посмотрел на Мортон и откинулся на своём запатентованном стуле, который откликнулся скрипом своих мощных пружин.

– Ну, ладно, выкладывайте? Вряд ли вы пришли навестить меня в первый же день по возвращению в Лондон, только потому, что влюблены в меня.

– Я тут рядом оказался.

– Бабушке это расскажите! Пансо рассмеялся.

– Вы постоянно заняты делом, Мортон – я следил за вами. Только не говорите, что вы приготовили для меня ещё один труп.

– Всего лишь письмо. Ну, может и одна пропавшая девушка.

Пансо хлопнул по столу.

– Как вам это удаётся? Всего двадцать четыре часа, как вы вернулись, а вы уже опять создаёте для меня проблему! Послушайте, мы не занимаемся здесь пропавшими девушками. Мы занимаемся расследованием. Мы...

– Она отправила мне письмо вскоре после моего отъезда. Несколько месяцев назад.

– А что она, правда, пропала?»

– Она написала, что кто-то пытается причинить ей зло.

– И после этого она пропала?

– Я не знаю. Мортон наклонился вперёд и, упреждая реакцию Пансо, продолжил.

– Письмо попало ко мне не напрямую. Не хочется придавать ему большое значение.

– Правильно. И не придавайте. Выбросьте его.

– Я просто подумал, что вы могли бы знать, как убедиться в том, что с ней ничего плохого не случилось.

Пансо уставился на него. Его челюсть выдалась вперёд ещё больше. Он произнёс:

– Вы знаете, что значит «безрассудство»?

– Я просто подумал, может, вы считаете, что должны мне одну любезность.

Пансо отклонил свою голову назад, как бы изучая Мортон по линии своего мясистого носа. Он выпятил губы и двинул вперёд подбородком.

– Знаете её имя?

– Кэтрин Джонсон.

– Какой участок?

– Она не указала адреса.

Пансо всем видом показывал, что это была капля, переполнившая чашу. Он пробормотал, что-то вроде того, что Мортон однажды доведёт его до паралича сердца. Он залпом допил чай и поковылял через всю комнату к трём висющим рядком в дальнем углу на стене телефонам. Когда он вернулся, настроение у него, похоже, улучшилось.

– Пару дней, – сказал Пансо – надеюсь, пару дней вы сможете подождать.

– Беднякам не приходится выбирать.

Пансо начал набивать трубку.

– Как же, бедняки! Да вы правы, одним я вам обязан – если бы не вы, меня бы сюда не вернули. Я разослал запрос по всем участкам, есть ли у них что на Кэтрин Джонсон, то же самое в офис коронера²⁰. Если она заявляла или умерла, вы об этом узнаете.

– Не помню, чтобы вы курили.

– Здесь это типа самообороны. Приходишь домой, смердя этим, жена недовольно ворчит; у вас-то нет жены.

* коронер – следователь, специальной функцией которого является расследование случаев насильственной или внезапной смерти

– Ну, да.

– Я-то думал, что у вас что-нибудь получится с той дамой, у которой вы чуть не отстрелили ухо. Как?

– Маловероятно.

– Ладно, дело ваше. Как вам тюрьма?

– Отнимаю ваше время.

– Сейчас ничего срочного. Так как тюрьма?»

Мортон вкратце описал ему жизнь политического заключённого в стране, которая все ещё пытается вылезти из болота средневековья. Пансо заполнил какую-то бумагу и проворчал что-то. Когда Мортон закончил, Пансо спросил:

– Раньше в тюрьме бывали?

– Как-то был охранником.

– О, Бог мой. Почти так же хреново. Он отодвинул бумаги в сторону и положил обе руки на стол.

– Не подумывали снова вернуться в полицию? Мне бы пригодился напарник, у которого есть мозги».

Мортон улыбнулся. Пансо ему нравился.

– Пишу книги, – ответил он.

– Пустая трата времени.

– Возьмите Гиллама.

Пансо скорчил гримасу. Джордж Гиллам был сержантом уголовной полиции, который поверил ложному признанию при расследовании преступления, что привело к тому, что Мортон застрелил настоящего преступника; Гиллам и Мортон изначально пошли по ложному следу и дело заваливалось. Пансо сказал:

– Сейчас Джордж немного трусит. Многого мне не рассказывает.

– Вы о деле прошлой весной?

– Точно, оно и моя работа тому причиной. Ну, и вы конечно.

– Я не старался за него.

– Можете быть уверены, вы тоже не среди его любимых друзей.

– Он все ещё стремится стать старшим полицейским инспектором?

– Также смешно, как и он сам – действует так, будто он им уже стал, не получив пока звания. Его задвинули в сторону после вашего дела. Он как бы «в отпуске» в отделе криминальной полиции и работает по разным второстепенным делам в участке – бытовые преступления, пропавшие люди, несовершеннолетние, материала полно. У Джорджи есть друзья там, наверху, он вляпался в дерьмо собачье с этим ложным признанием, в которое он поверил. Поговаривают, что здесь также присутствует некое врождённое убеждение. Джорджи делает то, что считает

правильным для себя, не для закона, и какое-то время от него будет дурно пахнуть. Будет ему урок, хотя прямо в лицо я ему это не говорю.

– Может мне стоит с ним переговорить.

– Может, стоит, а может, нет. Джорджи не из тех, кто легко прощает. Пансо понизил голос до почти едва слышимого урчания и придвинулся ближе.

– Джорджи складывает свою злобу, как кирпичики. Говорит, что все забыто, а потом не может не достать нож, когда вы поворачиваетесь к нему спиной. Он вернул голосу нормальный тон.

– Имейте в виду то, что я вам сказал – он приблизил палец к своему носу, старомодный и странный жест, и стал похож на актёра, играющего роль Деда Мороза.

– Ну, а теперь мне нужно кое над чем поработать.

Мортон вернулся в приёмную и уже, было, вышел из здания, когда понял, что будет глупо откладывать встречу с Гилламом. Мортону было безразлично, что он кому-то не нравится, что его даже ненавидят, если, ненавидящий – человек некоторым образом презируемый, но он когда-то добивался уважения Гиллама и он заметил, что с тех пор много чего изменилось. Если Гиллам держит на него зло, лучше встретиться с ним, чем избегать.

Дежурный проводил его туда, где можно было найти Гиллама. Мортон снова поднялся наверх, на этот раз на этаж выше, проследовал за человеком по ещё более скучным коридорам и остановился у двери, которую дежурный для него открыл. В комнате было четверо, каждый сидел за своим столом, сверху лился электрический свет, пахло смесью подгоревшего тоста, табака и мокрой шерсти. Все четверо подняли головы. Трое пробежались по нему глазами и вернулись к работе. Четвёртый же уставился на него, неодобрительно нахмурился, поднялся, будто испытывая боль, и обошёл стол.

– Мне казалось, что у нас кто старое помянет, тому глаз вон – сказал Мортон.

– Я оказался здесь в здании. Он протянул руку. Что за прошлые обиды? Гиллам проигнорировал протянутую руку.

– У нас недавно были кое-какие разногласия – попытался начать разговор Мортон.

– Это для меня новость – ответил сержант.

– Я подумал, что мог остаться, ну, какой-то осадок – из-за... ну, вы знаете.

– Не думаю, что я знаю. Понятия не имею, к чему вы клоните. У меня есть работа.

Гиллам повернулся и направился к своему столу.

Мортон попытался найти дорогу назад, заблудился, почувствовал, что укус неприятия Гиллама превращается в ярость. Куда девалось жизнерадостность утра? Ему захотелось пнуть что-то или кого-то. Молодой полицейский был вынужден, в конце концов, проводить его вниз в приёмную. Мортон на всех парах пролетел ее и нацелился на дверь.

Рядом с закутком дежурного стояла скамья. На ней сидели несколько жалких типов. Мортон едва взглянул на них, детали окружения забываются, и тут одна деталь привлекла его внимание: опустившаяся до уровня пары глаз газета, свёрнутая до размеров почти книги. И затем безволосое лицо, рыжих усов не было, хотя его верхняя губа имела некоторый оттенок, который можно было принять за акацию аравийскую. Газета снова приподнялась. На скамье рядом с ним, верхом вниз лежал чёрный котелок.

Усы могли быть фальшивыми! Кто же это был настолько глуп, чтобы прилепить рыжие усы, зная, что ему придётся за кем-то следить, если только он не хотел привлечь к себе внимание?

– Вы меня потеряли? – сказал Мортон, встречавшему его у входа слуге.

Фрэнк принял свой намеренно глупый вид.

– Нацепить вещь, которая делает тебя самым запоминающимся человеком на улице! Да, но снимите ее, и самая запоминающаяся в тебе вещь исчезла, и вы уже никто!

Мортон начал вслух размышления сразу же, как только пересёк входную дверь.

– А ведь он мог преследовать меня весь день. Вероятно, так и было! Мастер переодетый? Снимает и надевает бороды и плащи с капюшоном, да? Что-то в этом от журнала «Странд»²¹, вам не кажется? Это ведь ты сказал, что он какой-то подозрительный!»

– Да, он так выглядел. Но, как вы правильно заметили, генерал, черных котелков – как грязи – ответил невозмутимо Фрэнк.

– Но рыжих усов не так много. К тому же в Нью Скотленд-Ярде! Черт возьми, как нахально. Он прокричал всё это, поднимаясь по лестнице в гостиную, скинул с себя пальто и бросил его Фрэнку, швырнул шляпу на стол и завалился в кресло прежде, чем Фрэнку удалось-таки сказать:

– Вам телеграмма. Телеграмма от неё, на серванте.

– И что же ты, черт возьми, молчал все это время?

Фрэнк пробормотал что-то похожее на «Слушал вас всё это время», а потом пошёл вешать пальто. Мортон быстро вскрыл телеграмму и прочёл: «Завтра в 5 часов после полудня остановка Центр Барбикан²² Таис Мельбур».

Его сердце ёкнуло, хотя текст и был обезличенным как военный приказ. Он попытался вспомнить, что он сам ей написал. Такое же бездушное послание? Что-то не так написал для возобновления отношений? Он снова плюхнулся в кресло. Он вспомнил, что она уже однажды выбрала эту остановку – магазин возле Аэрейтид Бред Кампани, дешёвый и безликий. Завтра в пять – боже мой, ещё двадцать четыре часа!

Вернувшись, Фрэнк сказал,

– Вам также посылка. Сейчас он стоял за креслом Мортон; рядом с ним, Джек вылизывал свои приватные места. Фрэнк протянул Мортону потрёпанную посылку из богатой земли Центральной Европы. Он держал ее обеими руками; Мортон взял ее и понял, почему: она была тяжёлая. Фрэнк не уходил и всем своим видом показывал, что ему интересно то, что там внутри. И чтобы это состоялось, он уже держал наготове открытым карманный нож.

Пакет был обвязан прочной верёвкой, скреплённой сургучной печатью в шести местах; коричневая, дешёвая бумага была так потёрта в ходе доставки, что выглядела как кожа ящерицы, но верёвка не давала ему развалиться. Марки были треугольные, зелёные и фиолетовые, местами отслаивающиеся. Мортон разрезал верёвку, затем расширил дыру спереди пакета и обнаружил нечто похожее на коробку из-под чая, вскрыл ножом крышку, благо – гвоздики были короткими. Он высыпал содержимое в кресло: обвязанная стопка конвертов с британскими марками и именем Мельбур в левом верхнем углу (его сердце ёкнуло). Два предмета, завернутые в такую же коричневую бумагу и обвязанные такой же верёвкой, один длинный и один короткий, но оба тяжёлые; и в отдельном конверте фотография и листок тиснёной бумаги.

– От полковника Цилеску, – сказал он – Наполеон Трансильвании. Ну-ка, ну-ка...» Полковник Цилеску подвергал Мортон продолжительными, почти еженощными монологами о «культуре», большую часть которых, Мортон не понял, поскольку мало что знал об истории Центральной Европы, но сутью которых было то, что английский – это язык варваров, а Америка – это пустыня. Думаю, именно полковник позволил нам выбраться из той дыры.

– Катя говорила, что это Божья воля.

– Верно, но у полковника были ключи. Кто-то оставил двери открытыми и если ты скажешь, что это сделал ангел, я тебя уволю.

Мортон положил в карман письма от Таис Мельбур, затем разрезал оба тяжёлых пакета: в одном был его морской кольт, в другом – его дерринджер.

– Должно быть, ему не нравятся необычные антикварные вещи, – произнёс Фрэнк.

Мортон вытащил записку. Под тиснёным двуглавым орлом и названием тюрьмы, где они чуть не умерли от голода, стояла дата синими чернилами – три недели назад, месяц спустя после их «побега» – и ниже следовал текст:

Мой дорогой американский друг Мортон!

Сейчас, когда вы читаете это, надеюсь, что вы спите в своей собственной постели. Мне одиноко, поскольку вы больше не мой гость для длинных бесед об искусстве. На память вложил для вас своё новое фото. Кроме того, мой долг обязывает удерживать написанное вами, что, как вы утверждаете, художественный текст, но может быть и шпионским материалом, как-нибудь вы должны прочитать Альфонса Дучинаца, настоящего писателя. Плюс несколько писем, которые я посылаю вам и которые по недосмотру не передали вам во время вашего нахождения здесь у нас. Вашу машину я вынужден с большим сожалением удержать как военную контрабанду. Надеюсь, что вы здоровы, с уважением, ваш друг, Цилеску, Антон-Паули, полковник, Королевский корпус моторизованной пехоты и гвардии, Божьей милостью Его королевского высочества, Франца Иосифа, Эрц-герцога Австрии и Венгрии...

Мортон взял в руки фотографию. Крупный мужчина в униформе, явно узнаваем как тот самый полковник, сидел на пассажирском сидении автомашины, узнаваемой как Даймлер восьмой модели Мортон. Мужчина улыбался. Рядом с ним, менее отчётливо, сидел шофёр, обеими руками вцепившийся в руль так, будто боялся, что он улетит. Мортон расхохотался.

– Да это наша машина! Он вернул мне мои пистолеты, но оставил нашу машину!

Фрэнк посмотрел ему через плечо. Он простонал.

– Это Катя рядом с ним. Это Катя! Пути Господни непостижимы...

Фрэнк вырвал свой нож из рук Мортон и повернулся уйти к лестнице.

– Уверен, этому есть объяснение. Она была для меня ангелом!

Он быстро зашагал и Мортон услышал, как он, закрывая дверь, пробормотал:

– Сука...

Мортон почувствовал себя снова заполненным чем-то чувственно приятным – удовлетворённостью, может быть, даже счастьем. Он тут же, не убирая оба пистолета с колен, прочёл письма миссис Мельбур. Написанные недели и недели назад, они были о тривиальных пустяках – о её работе в «Обществе усовершенствования заблудших женщин». Её мать – алкоголичка. Она писала что-то о погоде, о её пианино, но ему было приятно это читать. Более того, сам факт их существования был ему приятен. Последнее письмо было датировано уже прилично после того, как они покинули тюрьму, т.е. она продолжала ему писать даже после того, как он прекратил это делать. В них не было ничего интимного, личного, никакой теплоты, каждый раз подписываясь «ваш друг», она продолжала писать.

Он зарядил дерринджер – Ремингтон с дымным порохом, жутко неточный, но убойный на расстоянии фута или двух, и положил его на привычное место в коробку на каминной доске, затем он отнёс на мансарду кольт и положил его в свою кобуру. Кто-то в Трансильвании выковырнул пули, вытряхнул порох и почистил его. Закрывать на нем затвор сейчас, подумал он, было, как закрывать гроб – этот пистолет, который он подобрал на поле боя в Гражданскую войну, с которым он провёл свою молодость на Западе, которым он воспользовался, чтобы застрелить человека, грозившегося разрезать горло Таис Мельбур всего шесть месяцев назад. Этот пистолет заслужил отдых. Старомодный, большой, он стал реликвией. Он любил свой кольт, но и у всяких сантиментов есть свой предел.

Спустившись снова вниз, он хлопнул в ладоши и поднялся к себе в спальню. Хорошо. Все будет хорошо. Ее послание было кратким, поскольку таков стиль телеграмм. Азы можно быстро преодолеть или отказаться от них. Главное – он вернулся, он свободен, он скоро увидит её. Что такое двадцать четыре часа после всех этих недель?

Он положил фотографию и письмо от Цилеску в конверт, чтобы отправить это своему издателю, Твенету; и если это не уладит дело с машиной, то пошёл он к чёрту.

Глава 3

На второе утро по возвращении Фрэнк, подавая кофе, сказал:

– Сад превратился в джунгли.

– Какой, тот, сзади дома?

– Да, тот. Я думал, что развешу там ваши костюмы. Надежды, надежды! Теперь нужна карта, чтобы найти садовую стену.

– Начинай пропалывать.

Какое там, Фрэнк может быть кем угодно, но не садовником. Он налил Мортону кофе и сказал,

– Найдите для нас кого-нибудь с крепкой спиной и огромным терпением.

– А что, есть садоводческие агентства?

– Здесь есть все; Это – Лондон. Хотите яйцо? Я уже одно съел. Совсем неплохо. Или копчёную селёдку?

– Зачем ты покупаешь копчёную рыбу? Ты же знаешь, мне она не нравится.

– Мне нравится. Яйцо, Сваренное вкрутую без скорлупы, тост, бекон? Если вам интересно, горничная через дом, говорит, что тамошняя мадам жалуется, что семена наших сорняков портят ей сад.

– О, Господи, я найду кого-нибудь – мы только что вернулись!

– Респектабельность среднего класса. Сорняки – это не респектабельно. Варенье на тост?

– Это то же самое, что джем? Да, с джемом.

Фрэнк потопал вниз – он предпочитал дома мягкие шлёпанцы, Джек пыхтел за ним. Пока не подали завтрак, Мортон работал над романом, блокнот на коленях, а слова рождались в голове быстрее, чем он успевал записывать их на бумаге. Теперь будет всё хорошо: книга по-прежнему держалась у него в голове, возможно, по яркости она уступала первоначально созданному варианту, поскольку просто требовалось изложить её на бумаге. Он торопился, поскольку он не хотел забыть текст. Всё так, но он торопился ещё и из-за денег, которые в конечном итоге и были определяющим моментом, вовсе не художественность: без этого романа через восемь или десять месяцев наступили бы весьма тяжёлые времена. С ним же можно будет смело смотреть вперёд года на полтора, а за это время он напишет ещё что-нибудь.

В десять Фрэнк принёс утреннюю почту – счета (какие могут быть счета, если его здесь не было?), четыре приглашения на ужин, от которых он откажется – затем, на ленч в двенадцать от расположенной рядом таверны, под названием «Агнец Божий». В два вернулся с новой почтой, в этот раз там был ответ от Давид Корвуда: «Не мог бы мистер Мортон заехать по адресу Олбани 134-В завтра между двумя и пятью?». Мистер Мортон полагает, что смог бы.

В четыре он остановился. Он уже написал тридцать семь страниц. И если бы не Таис Мельбур, ради которой он прервался, он бы продолжал и продолжал. Так бы и писал. Хотя он знал, что лучше прерваться, лучше оставить немного творческого запала на завтра.

Он послушался совета Фрэнка относительно одежды. Конечно же, Фрэнк и без его слов знал, что он собирается встречаться с миссис Мельбур; Фрэнк просто не мог не произвести археологические раскопки у него в мусорной корзине. Тёмный сюртук, серый жилет, галстук приглушенных тонов. Он отверг бледно-лиловый цвет, хотя ему рекомендовали, что он «чрезвычайно моден». Мягкая шляпа, но с более узкими, нежели ему обычно нравилось, полями.

– Здесь не Дикий Запад, генерал.

Он снова прошёлся до Ллойд Бейкер Стрит и сбросил с себя дневные заботы. Как и днём раньше, он чувствовал и вёл себя, как немного виноватый (что-то связанное с девушкой-машинисткой – она была сексапильна), останавливаясь и как бы разглядывая дома, деревья, птиц, на самом деле украдкой смотря назад туда, откуда пришёл. Видел ли он кого-то? Не был уве-

рен. Никого, кого бы он заметил дважды, и уж точно – никого, за кем бы он погнался. Он убеждал себя, что ещё не отошёл от путешествия и возбуждён встречей с машинисткой, прошёл сначала по Госвелл Роуд, затем по Олдерсгейт, и, наконец, дошёл до маленького кафе в районе Барбикан²² на пятнадцать минут раньше, хотя в этом не было никакой надобности; она приходит вовремя. Ему не понравилась идея сидеть в кафе в одиночестве. Поэтому прогуливался, думая о романе, о ней, о Кэтрин Джонсон, которая отправила ему письмо и которая на сегодня могла быть уже мертва, выйти замуж или сидеть дома. Никто не преследовал его; он то и дело проверял. И когда он во второй раз подошёл к кафе, то оказалось, что опоздал на десять минут.

Конечно же, она была уже внутри. Она сидела за дальним столиком, на ней, как всегда, была непривлекательная чёрная шляпка, платье, которое, даже он это знал, давно вышло из моды – что-то с рукавами с широкими пuffedми. Она повернула голову и увидела его, он тут же почувствовал приступ жалости к ней: ножевой шрам сверху вниз на лице превратился в красную ленточку, которая, казалось, выпала из-под шляпки. Она ничего не могла и не пыталась скрывать; а, увидев его, она, казалось, ещё больше повернулась к нему левой стороной лица, как бы демонстрируя шрам.

– Опоздал. Извините за опоздание. Не хотел прийти раньше времени.

– Я уже была здесь раньше времени.

– Подошёл сюда рано – и вы, наверное, уже были здесь.

Какой-то дурацкий разговор получался. Он знал, что им не начать с того места, где они расстались шесть месяцев назад – скупая и нелегко давшаяся, лишь частичная близость. В действительности оказалось ещё хуже, почти как в первый раз. Он присел, затем взял себе, по её настоянию чай и нечто похожее на съедобную булочку, положил её на стол, где она и осталась нетронутой, пока они там были. Он поблагодарил её за письма, рассказал про посылку, которую получил днём раньше.

Она почти не говорила. Ситуация становилась ужасной – долгие молчания, вопросы, на которые следовали односложные ответы. Все так обыденно и очевидно. Он спросил:

– Как ваша мама?

Ее мать фактически продала ее. Когда ей было семнадцать; муж был старше, груб и упрямал её в психушку, когда она взбунтовалась. Она улыбнулась одной стороной лица – той, что без шрама.

– За моей матерью присматривают.

Она посмотрела поверх чайной чашки, которой чертила на скатерти пересекающиеся круги.

– Она престарелая и, как вы уже знаете, алкоголичка. Я выносила это, сколько могла. Сейчас она в одном заведении с тремя такими же престарелыми дамами и сестрой, которая в таких случаях ухаживает за ними. Она поставила чашку на блюдо.

– Она умирает.

– Мне жаль.

– Мортон, не говорите таких слов! Я не могу сожалеть, с чего бы это вам?

– Мне жаль её, я не просто сожалею.

Он рассказал ей про Кэтрин Джонсон. Похоже. Её это мало интересовало. Её собственная жизнь была посвящена наставлению проституток, как им уйти с улицы, найти работу; и ей не приходилось иметь дело, как он полагал, с молодыми привлекательными девушками. Она и сама была проституткой, так и не став «хорошей проституткой». Он попытался вспомнить забавные истории за прошедшие месяцы, но они не вызвали интереса. Откуда-то из небытия она произнесла:

– Я скоро стану вполне состоятельной».

– Деньги?

– Дело улаживается.

Он вспомнил. Она судилась с колледжем Оксфорд за свою долю в недвижимости мужа, после того, как он изменил завещание, а потом застрелился. Разбирательство продолжается четырнадцать лет. Она сказала:

– Они пытались измотать меня, но я становилась всё дороже. Мне причитается половина недвижимости плюс пенсия, которая должна быть платой за то, что моя мать сдала меня ему.

– Теперь вы можете не работать.

– Могу ли я? И что делать? Стать одной из женщин, которых я презираю? Уехать жить во Флоренцию? Она уставилась на чайную чашку, протёрла пальцем кольца, что «нарисовала». И, наконец, произнесла:

– Мне жаль, Мортон, что я такая неприятная. Она подняла глаза. – Вы, наверное, думали, что будет по-другому, да?

– Я думал? Она бесила его, когда была вот такой. – Да, я думал, что это будет несколько иначе.

– И я так думала. Я думала мы могли бы, – она встала. – Давайте пройдемся.

Снаружи было по-прежнему светло, день в разгаре, но какого-то оттенка, который казался, угрожающим, жёлто-зелёным; воздух был душным, нехарактерным для позднего сентября. Он всё думал – чем же он всё испортил; не может быть, чтобы это всё она.

– Мне жаль, – сказал он.

Она взяла его под руку. Они повернули на Олдерсгейт и пошли к собору Святого Павла, затем повернули к развязке на остров Маленькая Британия. Он предложил поужинать вместе, но она ответила, что не может. Она никогда не объяснялась.

– А может, она просто не хочет. Он думал, что может ему удастся увезти её в «Кафе Ройял», ему нравилось это местечко, там он себя чувствовал уютно, она – вряд ли. Возможно из-за шрама, от скулы до подбородка, может, поэтому она «не может».

Будто читая его мысли, она произнесла:

– Вы видели шрам.

– Да, конечно.

– Врачи хотели сделать повторную операцию и как-то скрыть его. Не думаю, что они на самом деле собирались это делать.

– Ну, теперь у вас есть деньги.

– Дело не в них.

– Конечно же, нет. Но вы...

– Женщины шрамов боятся. Становится тяжело говорить с некоторыми из них. Они его видят и думают: «Это то, что и со мной может случиться, попадись такой мужчина», и они не хотят, чтобы им напоминали об этой стороне их жизни, и тогда они сторонятся меня. Мне бы хотелось продолжить лечение, мне бы надо сказать врачам – давайте, но я этого не делаю. Мне наплевать, что думают другие люди.

– Меньше всего из них, я ответил Мортон.

Она промедлила в нерешительности, сказав:

– Большинство мужчин...

– А, я? – перебил Мортон

– Вы всегда были исключением. Именно поэтому я... Она заколебалась, и он остановился, чтобы и она тоже остановилась, но она высвободила свою руку из его, и он понял, что момент он упустил.

– Таис...

– Пожалуйста, не надо...

– Таис, я хочу...».

– Не говорите мне, что вы хотите!

Она отстранилась. Человек, проходящий мимо, вынужден был обогнуть ее и посмотрел на них рассерженно. Она не обратила на это внимания.

– Вы идёте слишком быстро».

– Ради всего святого, Таис, меня не было шесть месяцев! И жизнь меня не ждала; Я...

– Ничего мне не говорите! – взмолилась она. Таис сейчас выглядела совсем плохо – с красным лицом, сухопарая, абсурдно одетая. Она как-то говорила ему, что была очень хорошенькой девушкой, именно поэтому мать ее получила «хорошую цену» за неё. Но почти пять лет, проведённые в тюрьме для невменяемых, поработали над ней как пемза. И сегодня, в свои тридцать с большим гаком, о ней вряд ли скажешь хорошенькая, и уж никак не скажешь – красивая. Но лицо ее было страстным и умным, не смотря на то, что она его боялась.

– Не заманивайте меня!

– Таис, я хочу быть с вами.

В ответ – раздражительный жест правой рукой, будто отталкивая от себя ребёнка или животное.

– Лучше бы я вас никогда не встречала!

– Вы же так не думаете!

Двое прохожих, приближавшиеся к ним, расступились, обошли их и сделали вид, что не заметили их. Она подождала, пока они пройдут, и произнесла слабым голосом:

– Нет, я так не думаю. Но мне хотелось бы так думать! Она повернулась в направлении, откуда они пришли.

– Не идите за мной! Именно так. Дайте мне день, нет, два дня...

– Я ведь даже не знаю, где вы живете.

Несмотря на её слова, он сделал несколько шагов за ней; они оба опять остановились. Она выжидала, глядя на собор Святого Павла, как бы ожидая от него помощи, думая, что сказать.

– Я вам напишу.

– Если вы напишете, то в письме вам будет очень просто сказать, что вы не хотите видеть меня. Я хочу, чтобы мы встретились.

– Да. Да, с моей стороны это было малодушием. Она подняла руку, как бы останавливая его.

– Я вам напишу, где и когда. И быстро зашагала прочь.

Он смотрел ей вслед. Он был разъярён и расстроен, и оба эти чувства переплелись между собой. Она выглядела уродливо, говорил он себе; она была бесстрашна; тогда чем же такая женщина притягивала его? Так думать нехорошо. Притяжение было настоящим.

Он повернул голову в сторону собора Святого Павла и в этот момент увидел, как фигура изменила направление движения и исчезла в казавшейся сплошной стене. Он подумал – движение было явно скрытым; он вспомнил «подозрительного типа» Фрэнка. Смена направления, само движение могло быть сделано кем-то, кто следил за ним, и кто, будучи замеченным, скрылся в дверном проёме.

Дальнейшими его действиями управлял гнев. Охваченный им, он устремился по Литл Бритн Стрит и обнаружил пролом, в котором исчезла фигура. Через него он вышел в более широкий проход, над головой темнело сине-серое небо. Он увидел отверстия слева и спереди, выбрал второе, нырнул в него, поочерёдно просунув в него свои длинные ноги.

Впереди был тупик; ещё один проход, очень узкий для прохода и поворачивающий направо. Он повернул в него и увидел, что в пятнадцати метрах от него путь был заблокирован деревянной дверью выше его головы. За ней был ещё один небольшой дворик, сверху на него смотрели грязные окна. Одинарный дверной проём без ступенек к нему, в полуметре от дорожки, с напоминающей виселицу стояла балка, используемая для крепления верёвки с блоком. Место выглядело неиспользуемым и запylённым, будто он открыл дверь доступа к нему, которая была закрыта десятилетиями. Даже ни одного голубя нет. Казалось, началось

настоящее преследование привидений. Он решил направиться вместе со своими теньями куда-нибудь, где подают спиртное.

Глава 4

Он проснулся от беспокоящих снов, чтобы почувствовать уже знакомую горечь похмелья. Голос звал его. Кровать тряслась, и он сначала не понял, что он трясётся или его, трясут. Мортон открыл глаза.

- Мои глубокие извинения, генерал, но вы хотели встать в полвосьмого.
- А который час?
- Почти восемь. Я принёс чай и таблетки для головы.
- Я вернулся поздно.
- Едва ли это новость.

Мортон услышал, как на письменный стол ставили поднос. Запах изо рта был отвратительным; голова раскалывалась, но не до такой степени, чтобы это было катастрофой. Он сел – комната не плыла перед глазами.

И чего же он натворил? В действительности он все достаточно хорошо помнил. Это были заведения – «Развлечение», «Принцесса Луиза», «Агнец Божий». Он вспоминал вечер: провалов в памяти не было, ничего страшного, просто прилично «надрался».

- Была одна вещь, – произнёс он вслух.
- Всего одна?

Фрэнк подал ему чашку с чаем.

– Не умничай, когда я в таком состоянии; моё терпение имеет границы. Да, только одна. Когда я вернулся домой, я видел свет в доме позади нашего сада. Ну, там, где ты видел раньше рыжие усы.

- Уверены?

– Выпивка и позднее возвращение ни причём, нет. Была четверть первого – я помню, что посмотрел на часы.

– Считается, что дом пустует. Может быть, кто-нибудь приглядывает за вестибюлем дома. Фрэнк кто-то, кто вламывался в дом год назад, сильно ударил по голове, он промолвил:

– Думаю, мне нужен будет дерринджер, пока дело не прояснится, если вы не возражаете.

– Ммм —. он возражал, но понимал ситуацию. – Думаю, самое время мне купить другой пистолет.

Позднее Фрэнк подал сырое яйцо с пикантным острым вустерским соусом и лимоном, что он покорно проглотил, несмотря на то, что этому времени он уже чувствовал себя лучше. Головная боль осталась, если бы она прошла совсем так быстро, это означало бы не усвоить урок – как и лёгкий дисбаланс при резком движении, но он мог работать и думать. А также беспокоиться о миссис Мельбур, которая может прислать письмо, в котором чётко скажет, что больше не хочет видеть его.

Где-то к середине утра он оторвался от работы, чтобы подняться на мансарду, где он пятьдесят раз отжал от груди 40-килограммовую гирю и пятнадцать минут погреб на байдарке-тренажёре, после чего сделал двадцать выстрелов из пневматического пистолета Флобер. Закончив, он открыл световой люк и высунул наружу голову. Он намеревался посмотреть сверху вниз на заднюю сторону дома, стоящего за ними. К сожалению, мешала крыша.

Он панически боялся высоты, хотя в данном случае было не так высоко, чтобы это остановило его вылезти на крышу. В прошлом году кто-то пробрался к ним в дом именно таким путём; и сейчас, выходя наружу, он увидел, каким беспечным был человек. Середина крыши была плоской, но вокруг неё вниз до свеса крыши каскадом спускался шифер, прерываемый только четырьмя трубами с несколькими дымоходами каждая. Он почти дополз до края плоской части крыши, затем ухватился, как ребёнок за мать, за трубу и посмотрел вниз. Слава богу, он смог увидеть то, что хотел: у дома был подвальный вход, к которому был доступ через

кажущуюся плоской дверь на земле, которая на самом деле была наклонена относительно фундаментной стены. На нулевой отметке был также задний вход, ведущий, вероятно, на кухню и в продуктовую кладовую.

С помощью простого инструмента проникнуть кому-либо внутрь – не проблема. Он имел в виду себя, как и того человека, которого видел Фрэнк; он подумывал проникнуть внутрь дома и обнаружить свидетельства тому, что кто-то действительно был там. Ему вдруг в голову пришла мысль, что идея эта совсем никудышная. Если бы он нашёл что-нибудь, ему бы тогда пришлось заявить в полицию; они бы задержали его за взлом и проникновение – достаточно, чтобы подвергнуть испытанию даже снисхождение к нему Пансо. Он пополз обратно к световому люку, скользнул вниз и замкнул его, сердце колотилось.

Утренние письма лежали на столе, когда он подошёл к нему: ещё два приглашения, от которых он откажется, письмо от издателя, обещающего более выгодные условия, чем у него есть от сегодняшней компании, ещё одно письмо от неизвестного, кто обещал значительно увеличить его доход, представляя его работы издателям выгодным образом за небольшой процент. Он подумал – это что-то новенькое – все писатели, кого он знал, делали это сами. Или принимали, что предлагалось; и только некоторые из них были в состоянии так или иначе торговаться.

Ещё одно письмо было от мужчины (или женщины?), назвавшего себя Альберт Джадсон:
Дорогой маэстро

Какая радость и успокоение, что вы снова с нами! Я ликую от того, что вижу вас в добром здравии! Как мне хочется сидеть с вами в вашей гостиной и «болтать за жизнь», как говорят в вашей стране, как два старых друга, разделяющих одинаковое отношение к литературе и творческой деятельности. Я думаю о наших беседах на различные темы, интересные для писателей. С вашим присутствием город снова зажужжал! И хотя я не достоин даже чистить ручки, которыми вы творите с таким мастерством, я умоляю вас прислать мне ваши книги, подписанные как вам будет угодно.

Ваш навсегда.

Альберт Джадсон

Никакого обратного адреса.

– Совершенно безумный, – сказал Мортон.

Когда Фрэнк снова поднялся наверх, Мортон показал ему письмо.

– Буйный помешанный, – отреагировал Фрэнк.

– Мужчина или женщина?

– Конечно, мужчина. Рука не женщины.

– Местами звучит немного, как бы это сказать, романтично. Чрезмерно.

– Это часть сумасшествия. Как и беседы, которые, как это звучит, у него уже состоялись. Фрэнк снова взглянул на письмо. – Та часть, где он видит вас в добром здравии – впечатление, будто он смотрел на вас все это время.

– Ты полагаешь, что это тот твой человек с рыжими усами?

– Не нравится он мне, полковник.

Он писал до двух; к этому времени он заново переписал уже сорок одну страницу, будто делал это под диктовку. Он с большой неохотой остановился, но он снова дошёл до того состояния, когда продолжать означало рисковать завтрашней работой. Лучше в это время воспользоваться приглашением г-на Корвуда и посетить его в Олбани.

Он надел одну из своих американских шляп, откровенно со слишком широкими для Лондона полями, выбрал он ее намеренно, как бы в противовес тому снобизму, который, как он полагал, ждёт его в лице Давид Корвуда. Такими же были его ботинки – старые, начищенные, но все изрезанные глубокими трещинками, по цвету скорее коричневые, чем черные – «пользующиеся дурной репутацией», как бы их назвал Генри Джеймс. Выходя, он открыл ящичек,

чтобы по привычке захватить с собой дерринджер, но он был пуст, и тогда он вспомнил, что Фрэнк хотел взять.

У входной двери Фрэнк его остановил.

– Дождь собирается. В руках у него был зонт.

– Я не англичанин.

Фрэнк накинул ему на левую руку макинтош.

– Дождь все равно будет.

Он быстро пошёл к Рассел Сквер (написанное сегодня он отнесёт машинистке вместе с завтрашним), быстро прошагал вдоль Музея Лондона, нырнул на Грик Стрит и дальше к Олд Комптон Стрит, и дальше зигзагами на Брюер Стрит и, обойдя Кафе Ройял, вышел к концу Глассхаус Стрит. С сожалением взглянув на ресторан, где он хотел посидеть с Таис Мельбур за кофе с молоком. Перейдя Регент Стрит на Пиккадилли, он окунулся в какофонию кебов, конок и удивившее его количество автомашин (намного больше, чем год назад, подумал он – да, мир не стоит на месте), и направился к входу в Олбани. В этой череде домов, называемой Олбани, жили только мужчины. Как американец, Мортон подумал, что он никогда не поймёт существование таких мест, где мужчины изолировали себя отгороженными от окружающих шлагбаумами и охраняемыми боковыми дорожками, что вызывало у него чувство монастырской стерильности. Здесь, как бы говорили такие места, где живёт привилегированный класс мужского пола. Отведите ваш взгляд и проходите мимо. Может быть это порождение их (абсурдно названных «общественные») привилегированных частных школ для мальчиков. Мальчики всегда вместе, и тому подобное. Вечные мальчики?

– Корвуд, – рявкнул он служителю. – Меня ждут.

– Ваше имя, сэр? Человек был возраста отца Мортон, немощен достаточно, чтобы ходить с клюкой; ходил он с раздражающей медлительностью. Если он и есть охрана, в Олбани можно было легко проникнуть, если не принимать во внимание, что это была Пикадилли, а настоящий охранник – это почтенность, традиция, и ужас для всяких скандалов.

Его пропустили и указали куда идти, он прошёл по двору, ощущая чувство комфорта и приятного уединения и испытывая ту же неприязнь, которую он испытывал от того, что у него есть слуга. Он был демократом.

К его удивлению сам Давид Корвуд открыл свою дверь. Ошибиться, приняв его за слугу, было нельзя, хотя у него – дурная одежда, дурные манеры. Давид Корвуд был моложе, чем ожидал Мортон, более стеснительный, чем он ожидал, претенциозный – если он и был таковым – из-за неуверенности. Его внешний вид был типичным: почти измождённый, не выраженный подбородок, выдающиеся скулы и щеки как строганная поверхность, румянец, высокий. По своему симпатичный. «Неврастеник», если использовать модное словечко.

– Да, входите, входите, – произнёс он, как только понял, что перед ним Мортон. Похоже, широкополая шляпа и старые ботинки никакого впечатления на него не произвели. Он засуетился, что-то невнятно бормоча и жестикулируя как-то быстро и неразборчиво, потом сказал, что слуги нет сейчас, извинился, сообщил, что это не его квартира, он ее всего лишь снимает, начал заикаться, краснеть от смущения, затем остановился посередине комнаты, выглядел он будто раненный или больной.

Дантон почувствовал, что жалеет этого человека. Что-то у него было серьёзно не в порядке. Ущербный, подумал о нем Дантон, сам не зная, почему. Он отвернулся, чтобы молодой человек оправился от смущения. Комната выглядела почти убогой, в которой хорошо жили, в георгианском стиле без изысканности: камин с простой каминной полкой, два глубоко посаженных окна по одной стене, на полу то, что когда-то называлось «турецкими» коврами, огромное количество книг, которые заполнили три стены, между окнами картина в простой рамке.

– Это та самая «миниатюра Грейгарс»?»

И когда Корвуд недоуменно посмотрел на него, Мортон сказал:

– Вы о ней писали в своём письме?

Привести в замешательство Корвуда не составляет труда, подумал он; молодой человек был либо неким образом психически травмирован, либо у него проблемы с концентрацией внимания.

– Писал, да? Каким показным это могло показаться для вас. Извините. Её так назвал парень из магазина, мистер Геддис – «миниатюра Грейгарс».

– Ну, она, действительно миниатюрна.

Мортон подошёл к ней. Внутри потускневшей золотой рамки шириной почти семь сантиметров масляная работа не больше его ладони.

– Это Грейгарс?

– О да, конечно – заверил он меня. Там есть подпись. Так себе. Там, в углу. И имя на латунной пластинке – Андреас Грейгарс, 1623 – 1652 года. На самом деле это эскиз, эскиз, выполненный маслом. Лев в зверинце.

– Голландец?»

– Да – вся миниатюра в коричневых тонах. Какая-то важная персона того времени держала зверинец. Грейгарс рисовал эти эскизы – животных – довольно известная работа, одна из них – этого льва. А это ее эскиз.

Работа кистью выглядела так, будто краску наложили очень быстро, на больших слоях краски явно просматривались мазки, лев, тем не менее, выглядел почти живым. Такая огромная сила и мощь. Мортон произнёс,

– А конверт, который вы мне прислали, был сзади?

– Да, да – сзади.

– Не могли бы вы мне показать, где именно?

– Да, конечно – Корвуд снял картину со стены и перевернул ее.

Мортону показалось, что руки у него дрожали. Перекрученный провод, на котором она висела, был почти черным от коррозии.

– В этом углу, – сказал Хелелтайн. Он указал на левый нижний угол. – Подсунуто между холстом и подрамником. Видите, тут есть место.

Он выглядел как бы обиженным, будто Мортон предположил, что конверт там не мог находиться; на самом деле, Мортон видел, что маленький конверт можно было свободно подсунуть, где он почти полностью прикрывался широкой рамкой.

– Странно, что никто в магазине его не нашёл.

– Я тоже об этом подумал! Да, да. Но они не нашли. Если бы они нашли его – его бы там не было, да? Он так и стоял, уставившись на Мортонна своими больными глазами, держа миниатюру в обеих руках, и вдруг произнёс, как будто до него только что дошло, – Не хотите присесть?

Мортон выбрал мягкий стул с потёртой красной обивкой. Он положил шляпу на пол рядом с ним. Повесив картину на место, Корвуд сел на край прямого стула. Он сказал:

– Мне не следовало пересылать конверт вам, да?

– Нет, конечно, следовало.

– Оно было адресовано вам.

– Конечно. Но вы его не вскрывали.

– Нет, что вы! Прозвучало, как стон от боли. – Нет, клянусь, я не вскрывал!

– Я вовсе не имел в виду, что вы вскрывали. Я просто хотел узнать, может вы в курсе, что там в нем.

– Нет!

Мортон испугался, что молодой человек вот-вот заплачет. Он стал мягче.

– Можно, я задам вам вопрос?»

– Да. Конечно. Хотите чаю? Кофе? Корвуд рассеянно оглянулся. – Мой слуга вышел.

– Дата на вашем письме говорит о том, что оно написано несколько недель назад. Сколько времени у вас эта картина?»

– Ну, сейчас посчитаю – я приехал в Лондон двенадцатого. Он неожиданно и необъяснимо засмеялся. – Славное двенадцатое*. Вы охотитесь? Раньше я часто практиковал. Сейчас уже не могу – звук выстрелов меня нервирует.

До Мортон медленно дошло: двенадцатого августа – открытие сезона охоты на гусей, весьма знаменательное событие в жизни охотников-спортсменов. Он ждал продолжения от молодого человека; и когда этого не последовало, он тихо проговорил:

– Итак, вы приехали в Лондон двенадцатого августа...

– Да.

– И купили картину? Я имею в виду, через какое время после того вы купили картину?

– Ну. Дата должна быть на счёте. Если он у меня ещё остался. Они могли бы сказать вам в магазине. В пассаже. Это было – ну, не так давно.

– Сегодня двадцать шестое сентября. Вы отправили мне своё письмо и конверт двадцать девятого августа.

– Ну.

– Итак, это было вскоре после того, как вы купили картину.

– Да, я обнаружил его, когда вешал картину. Я имел в виду, когда мой слуга вешал ее. Он-то и привлёк моё внимание к конверту. Я положил его в свой конверт и написал вам свою глупую записку в тот же день.

– «Миниатюра Грейгарс!» Он истерично засмеялся. – Осел.

Мортон подождал несколько секунд, пока тот успокоится.

– Письмо внутри конверта датировано более двух месяцев назад.

– И о чем это говорит?

– Оно, должно быть, находилось сзади на картине – или где-то ещё – несколько недель, прежде чем вы его обнаружили.

– Я был на войне.

Это означало в Южной Африке – война против буров*, война, которая продолжалась очень долго и которая достигла той порочной стадии, когда английская армия стала строить концлагеря. Возможно это и объясняет странность Давид Корвуда. Мортон уже видел молодых людей в таком состоянии после Гражданской войны, молодых людей, которые уже никогда не станут прежними, молодых людей, чьи жизни были искалечены войной.

– Вы в отпуске? – спросил он.

– Нет, я был... я освобождён от военной службы по состоянию здоровья.

Вы доходите до какого-то предела и тогда продолжать не стоит. От вас уже мало пользы. Собеседники тебе больше не доверяют.

– Я участвовал в американской Гражданской войне – промолвил Мортон, желая сгладить напряжение.

– Тогда вы понимаете.

– Немного, пожалуй.

– Тогда вы это видели. Вы видели их. Его лицо болезненно дёрнулось. – Мальчишки. Мужчины, главы семьи. Мой сержант сказал, что мы их выбьем. Так он им сказал. Потом его убили. Правая часть его рта задёргалась в тике. – Они обстреляли нас из артиллерии. Из наших собственных пушек. Наши линии были разорваны. Я послал связного в тыл – мальчишку, одного из моего подразделения, ему было восемнадцать, потом от него остался лишь мундир, ну, понимаете, и одна нога. Милый парень. Из Ланкашира. Я отвёл подразделение назад. Вопреки приказам. При расследовании я так и сказал. Почему они должны умирать вот так, от своих же пушек? Ведь это же неправильно, мистер – Мортон? Ведь так?»

Мортон покачал головой.

– Я в медицинском отпуске. Сторона лица Корвуда снова дёрнулась вниз. – Но они собираются судить меня военным судом «За отступление».

Солдат в Мортоне хотел было решительно его осудить; но с другой стороны, его прежнее я говорило – ещё ничего не доказано.

– Все так плохо?

Корвуд снова едва улыбнулся ему.

– Они уволят меня со службы за недостойную провинность.

– Война вам снится?

– Да.

– И вы помните все имена...

– Да, да...

– Вы не ходите выходить из дома.

– Нет – он произнёс это едва слышно.

– Мне не следовало вас беспокоить.

– Я рад, что вы пришли. Корвуд закрыл лицо руками, затем выпрямился, сидя.

– Боюсь, вы можете принять меня за умственно отсталого.

Мортон встал:

– Спасибо за вашу помощь.

– Я подумал, может быть, я что-то мог бы...

«Что-то» – это что? – размышлял Мортон. Что-то ещё? Что-то для меня? Что-то сделать?

Затем произнёс:

– В конверте была записка, в которой у меня просили помощь.

– Тогда, я рад, что переправил ее вам.

– Не было ли женщины в магазине, где вы покупали картину?

– Передо мной был только мужчина, но в там подсобке, где они вставляют картины в рамку и прочее, кажется, что там был кто-то ещё. Но я точно не знаю.

– Я хотел узнать, все ли в порядке у отправителя письма – уточнил Мортон.

– Да, конечно! Да, это очень важно – помогать людям, когда они просят об этом – защита, помощь...

Сторона лица Корвуда дёрнулась вниз.

Корвуд Вы меня будете держать в курсе? Все это случилось так давно, не уверен, что стоит продолжать. Но вы должны! Пожалуйста, мне бы хотелось себя чувствовать частью этого благородного дела.

Мортон записал название магазина в Берлингтонском пассаже, где была куплена картина, и обещал, что он сообщит о ходе, и каждый из них снова подтвердил, как это важно следовать начатому делу и помогать, когда просят о помощи. Уже уходя, Мортон спросил,

– Корвуд, почему вы купили именно эту картину?

– Грейгарс? Потому что – там была скидка, продавец сказал, что кто-то ещё внёс залог за неё, а потом не выкупил. И идея зверинца – это животное так далеко не похоже на себе подобных... Он смотрел на книжный шкаф, а не на Мортон, нахмурившись от сосредоточенности. – Это должно быть было жутко несчастное животное, но оно выглядит таким сильным! Как будто готово пройти через это. Понимаете, что я имею в виду?

Снаружи день завершался. Мрачное небо предвещало дождь. В воздухе пахло лошадиным навозом и мочой. Громыканье и жужжание города наполнило Олбани.

Пожилой мужчина выпустил его на улицу Пикадилли. Он направился в Берлингтонский пассаж прошёлся по нему, глядя на магазины и ничего не замечая, размышляя о том, сколько ужасов и страданий происходит в Лондоне только сейчас, и как попытка решить одну проблему, просто ведёт к возникновению другой.

Он не хотел продолжать дальше с этим делом сегодня. Да и в любой другой день – у него было чем заняться кроме поисков, возможно пропавшей, женщины. После его встречи с Корвудом он чувствовал себя как-то вяло, лишённым энергии выхода из похмелья, которая двигала им, пока он шёл пешком. Но, поскольку шёл дождь, и он стоял прямо перед магазином, на котором тусклыми золотыми буквами на чёрном было написано: «Д. Дж. Геддис – достойные вещи», он вошёл.

Торговая часть магазина казалась маленькой, переполненной вещами, которые, даже Мортон это почувствовал, были действительно достойны. Восточные вазы, Веджвуд²⁵, георгианское серебро, несколько красивых шалей, эмалированные и декорированные поверхности, античное кружево, отделанные красным деревом столики и гобеленовые каминные экраны; на стенах висели, большие и маленькие картины маслом, либо безошибочно до-викторианского, либо явно экспонаты ежегодной летней выставки живописи Королевской академии искусств. Знания по живописи Мортон ограничивались большими полотнами шотландских художников, на которых изображались овцы и длинношерстный крупный рогатый скот, которые он купил оптом. Не как произведения искусства, и ни одна из которых, его не трогала.

– Могу я вам чем-то помочь, сэр? – прозвучал в тишине вопрос.

Человек материализовался откуда-то из тёмного угла. Он был невысоким, сторбившимся настолько, что едва был пяти футов ростом, шея его была опущена.

Очки на нём весели вперёд и вниз, и чтобы разговаривать, он был вынужден поворачивать лицо в сторону и вверх. Он носил очки с очень толстыми стёклами, коротко постриженную бороду с выбритой верхней губой. Ему было где-то лет шестьдесят, его вид наводил на мысль о человекоподобном несколько зловещем существе, гноме или тролле, со сдерживаемым непристойным чувством юмора, проявляющимся, вероятно, в виде грубых шуток. Голос его был хрипловатый и очень глубокий, выходящий из куриной груди громким басом.

Мортон решил вступить в разговор как клиент. Так, чего же он мог искать? Он ничего не знал о «достойных вещах». Не та область, где бы он мог блефовать.

– Мистер Геддис? – промолвил он.

– Он самый.

– Я пытаюсь найти местонахождение женщины по имени Кэтрин Джонсон.

Имя произвело Геддиса странное впечатление, как будто он на что-то наткнулся. Он крутанул головой, будто пытался разглядеть Мортон получше, но движение это могло в равной степени скрывать нечто другое. Что-то на самом деле было не в порядке с его шеей, подумал Мортон чуть ли не то, что его вешали. Маловероятно, однако. Что-то было не так и с его выражением лица – наверное, ложное безразличие. Геддис произнёс,

– Ну, так?

– Я подумал, может, она работала здесь?

Геддис отвёл от него взгляд, как бы говоря, что вряд ли можно ожидать, что я буду говорить о своих служащих с незнакомым. Он взглянул на Мортон через плечо и промолвил:

– Даже, если она работала здесь, то что?

Мортон протянул ему свою визитную карточку.

– Так она работала?

– Не понимаю вашего интереса.

– Я хочу узнать, не пропала ли она? Он был раздражён и произнёс намеренно, — Я уже был в полиции.

Геддис посмотрел на карточку. Он слегка щёлкнул по ней.

– Это всего-навсего имя. Вы можете быть кем угодно. Вы ее родственник?

– Кэтрин Джонсон написала мне письмо, прося о помощи. Ей не удалось со мной встретиться. Это было не совсем правдой, но ему захотелось осадить Геддиса. – Так она пропала?

Геддис положил карточку на стол. – Она ушла от нас.

- Но она все-таки работала здесь.
- Какое-то время.
- И чем она занималась?

Геддис снова насторожился, сказал, что это частное дело, что Мортон может быть кем угодно, хотя на самом деле, наверное, он был недоволен, что Мортон оказался не клиентом. Затем они продвинулись в разговоре до того, что Геддис сказал, что Кэтрин Джонсон была молодой и наивной женщиной и вставляла в рамки гравюры и рисунки для него, когда их разговор прервал настоящий покупатель, тщательно одетая женщина, с которой ниспадало кружево из сурового полотна, будто это была кожа, которую она сбрасывала. Мортону пришлось удалиться в надёжную зону слышимости между двумя достойными предметами, пока они бормотали о «маленьком кусочке мозаичной мостовой» в ящичке. Женщина так ничего и купила, и удалилась с неопределённым обещанием заглянуть как-нибудь снова, на что Геддис иронически улыбнулся, выкручивая голову на Мортон.

Тогда Мортону пришлось выложить всё – миниатюра Грейгарс, записка, его отсутствие, – не говоря только о вещах, о которых не видел никакого смысла говорить. И тогда Геддис признался, что был недоволен тем, что Кэтрин Джонсон ушла от него без уведомления, оставив только записку вместо того, чтобы прийти как-нибудь в августе и сослаться на семейные обстоятельства дома. Теперь он стал слишком многоречивым, слишком старающимся помочь.

- И где был ее дом?
- Не имею представления. Выглядела она более или менее благовоспитанной.
- Вы не знали, где она живёт в Лондоне?
- Спросите в Слейде.
- Что такое Слейд?

Геддис уставился на него. – Художественная школа Слейда²⁶.

- Она была студенткой художественной школы?
- Так она сказала.

Он убедил Геддиса вспомнить точную дату, когда Кэтрин Джонсон ушла. Действительно, у Геддиса сохранилась ее записка. Она была датирована тем же числом, что и послание Мортону, которое она или кто-то иной спрятал сзади на картине Корвуда.

- Не понимаю насчёт картины, – сказал Мортон.
- Я тоже. В высшей степени необычно. Если бы я знал, я бы этого не допустил.
- Но почему она это сделала?

Геддис вздохнул. – Люди, особенно молодые люди, делают иногда вещи, которые выше понимания взрослого мужчины. Я едва знал эту молодую леди. Говоря это, он не смотрел Мортону в глаза.

На все остальные вопросы последовали уже озвученные ответы, как хорошо отрепетированная история, а также информация о том, что Кэтрин Джонсон была чисто плотной, исполнительной, застенчивой и бессловесной. Нет, у неё, похоже, не было молодых людей, поклонников. Нет, у него нет представления, где она жила, и не мог бы мистер Мортон его извинить, но у него ещё дела.

Мистер Мортон его не извинил, потому что мистер Мортон совершенно ему не верил, но мистер Мортон ушёл. Там, снаружи пассажира всё ещё шёл дождь.

Он взял кеб до Виктория Стрит, удивился, увидев портье у «Арми энд нейви сторз»²⁷, человек у магазина узнал его, тем более удивительно, что он был всего лишь ассоциированным членом, и то благодаря Фрэнку – действительному ветерану британской армии, который ввёл его туда. Он пошёл напрямик в отдел оружия и купил карманный пистолет марки Кольт «Нью-покет» 32 калибра с нитроэмалевым покрытием. Это был не тот его старый кольт, но он знал, что он более скорострельный, более мощный и гораздо быстрее перезаряжается. Он был

меньше размером и с более коротким стволом, но весил в кармане пальто как мешок с монетами.

У Пансо уже были ответы для него из других участков. Ничего на Кэтрин Джонсон не было. Он поворчал, что всё это он мог бы получить не от него, а в отделе пропавших лиц.

– С вами мне надёжнее, – сказал Мортон.

– Гм. Пансо тупо уставился на него. —Из офиса коронера сообщили о трёх неопознанных трупах в тот день, когда «пропавшая» женщина написала вам письмо, о семи на следующей неделе, и о пяти за неделю до того. Пять женщин и десять мужчин. Вскрытие производилось на двух – подозрительные причины смерти, и все они были погребены через законно установленный срок, потому что нельзя хранить мёртвые тела бесконечно.

– Есть ли случай умышленного убийства с одной из женщин?

Пансо пожал плечами.

– Двоих из них достали из реки, как и пятерых мужчин, все за исключением одного находились в воде слишком долго, чтобы о них можно было что-либо сказать. Внимание ничего не привлекло.

– Что это означает?

– Никого не впечатлило, чтобы оправдать начало расследования. Пансо сложил руки на столе. – Это правда жизни, Мортон – некоторые люди стоят, чтобы о них беспокоились, некоторые – нет.

– Вы хотите сказать, что они были бедняками.

– Я не принимаю таких решений. Если глава семьи среднего класса с двумя детьми и женой и работой в должности старшего клерка, оказывается в Темзе, мы расследуем. Если кого-нибудь в лохмотьях, ни коим образом не идентифицируемого, прибывает к берегу, тогда...

– Значит, если я одену главу семьи в лохмотья и сброшу его с моста, вы похороните его без вскрытия?

– Я бы предположил, что либо жена подняла бы шум, либо соседи. Респектабельность, Мортон. Она движет миром. Знаете, как это работает – респектабельность никогда не замечается, так ведь? Никогда не наденет не тот галстук или не скажет неправильного слова, или непонятно почему живёт без мужа, когда все соседи знают, что у вас он должен быть. Это привлекает ваше внимание. Но те, кто, прежде всего, не респектабелен...

– Бедные? – обрезал Мортон

– Вы говорите как реформатор. Ну, хватит вам – вы респектабельны, я респектабелен, мы читаем то, что респектабельно и мы думаем о том, что респектабельно, и мы не посещаем отдельные места в Лондоне, поскольку они не респектабельны. Мир вокруг нас не совершенен. Многие решает Господь.

– Возможно, Кэтрин Джонсон не была респектабельной?

– Студентка художественного училища? Откуда мне знать? Было бы полезным, если бы вы рассказали мне о ней что-нибудь, а не просто гоняли воздух туда-сюда. В любом случае, о ней нужно сообщить в отдел пропавших лиц, что вы тотчас же сделаете, правильно? Пансо хлопнул обеими руками по столу. – Чай? Послушайте, Мортон, отдел уголовного розыска не занимается здесь поиском пропавших продавщиц, это понятно?

– Я тоже этим не занимаюсь.

– Тогда выкиньте это из головы. Она, может, беременная и пошла домой к мамочке, или встретила любимого художника и они живут сейчас в цыганском фургоне где-нибудь.

Детнон взял чашку отвратительного чая. – Может, вы и правы.

– Спасибо – Пансо отпил маленький глоток и скорчил гримасу. – Горький как моча дубильщика. О Боже, почему бы им для разнообразия не сделать хоть раз свежий. Он пододвинул несколько листков машинописной бумаги. – Возьмите, если хотите.

Мортон просмотрел их. Из всего листа тел найденных после даты записки ему одно привлекло внимание, то, что выловили из Темзы – «Женщина, худая, волосы длинные, возраст не определён из-за воздействия воды и разложения, ушибы на голове...». Он подумал о трупах, которые видел на войне. В конце войны он оказался в Луизиане; там была небольшая перестрелка, боем не назовёшь, ничего, чтобы вошло в учебники по истории, но по маленькой реке к тому месту, где они разбили лагерь, плыли десятки трупов, три или четыре из них попали в маленький водоворот; ночью было слышно, как аллигаторы рвали их на части, они лупили по воде хвостами, пытались оторвать куски; в конце концов, не выдержав, он приказал своим солдатам вытащить тела из воды и похоронить. Лица были страшными. Неужели Кэтрин Джонсон закончила жизнь так же – раздутая, неузнаваемая, не похожая на человека? Значит, никто ничего про Кэтрин Джонсон не слышал. Ну, что ж... Он сложил листки и положил их в карман. Если бы знал, что чай будет таким, я бы лучше сходил к Гилламу.

– Попробуйте обратиться Управление водоснабжением и канализацией. У них превосходный чай. Хотя преступлениями они вряд ли занимаются, – Пансо улыбнулся, намеренно притворной улыбкой, когда уголки губ едва приподнимаются. – Мы начинаем расследование, когда у нас есть свидетельства. А здесь свидетельств нет.

Мортон встал. – Может быть, найду что-нибудь там, где она снимала комнату?

– Если будет что, – Пансо нацелился на него карандашом, опустив свою огромную голову, будто собирался выстрелить, – Вы уж сообщите это в отдел пропавших лиц, никакой самостоятельности, ладно?

– Как я могу? – Мортон усмехнулся. – Это бы не было респектабельно. Он попробовал чай ещё раз и понял, что пить его не будет.

В девять вечера дождь всё ещё лил, когда, закутанный снова в макинтош, он вошёл в свой «задний садик», на самом деле спутанный клубок сорняков, до которых раньше ему не было никакого дела. В одном из карманов у него был новенький кольт, в другом – примитивный фонарик «Эвер реди»²⁸. «Самая последняя новинка, свет горит двенадцать секунд», – написал ему знакомый, отправивший это чудо из Америки. Называется: «проблесковый свет». Он ещё не успел его включить, когда споткнулся обо что-то и чуть не упал головой вперёд; он выставил при падении правую руку и ощутил рыхлую землю: там была небольшая ямка, небольшая кучка земли и лопата. Имитация садоводства Фрэнка?

Было безветренно, но дождь всё лил непрерывно. На фоне тусклого отблеска города соседние дома читались лишь очертаниями, и их масса прерывалась лишь освещёнными газом прямоугольниками окон. Садик представлял собой чёрную яму, ограждённую кирпичными стенами высотой с человеческий рост. Мёртвые сорняки, одеревеневшие уже как палки, были почти такой же высоты, и, когда он пробирался сквозь них, с их оперенья -верхушек капала вода. Как-то он и Фрэнк говорили о том, что надо бы посадить траву и восстановить бордюры, а выдолбить остававшиеся иллюзией старые степные розы, убрать остатки решётки для вьющихся плодовых, извержения кустарников, которые, как однажды, наверное, предполагалось, должны зацвести. Фрэнк хотел также развести огород с различными травами и салатами. Дальше разговоров дело не сдвинулось: задний садик так и остался джунглями.

Идя в темноте по тому, что осталось от кирпичной дорожки, Мортон поймал себя на том, что думает о Корвуде. Он как бы разделял страдания молодого человека. Его собственная реакция на ужасы войны, и проявилась в неспособности сочувствия, отдалении от его молодой жены, а затем и от сыновей. А позднее она проявилась в виде грёз и фантазий, превратившихся в романы, которые его английский издатель называл «шедеврами ужаса». Вот вам сегодня молодой Корвуд, переживающий свой собственный ужас, но нестигаемый остатками

самого ужаса, не смягчал и не ограждал себя отсрочками и превращал всё это в фантазии художественной литературы.

Мортон споткнулся, выругался, продолжил движение, скользя ступнями по кирпичам дорожки и траве, что росла между ними. Макинтош укрывал его до середины между коленями и ботинками, но его штанины почему-то уже намокли. Широкополая шляпа пока не пропустила воду за воротник, но он знал, что она всё равно просочится. В этом плачевном состоянии ему придётся быть ещё час или два, поскольку он был намерен подождать и увидеть, не войдёт ли в пустующий дом или не выйдет из него тот мужчина с рыжими усами, не он ли Альберт Джадсон?

Мортон ощущал кирпичный штабель бывшего туалета, который, как обсуждалось, мог быть использован для садового навеса. Сорняки окружили, вцепились в него; Мортон был вынужден прокладывать себе дорогу, продираясь сквозь них и опустив голову, чтобы хворостинки не поранили глаза. Когда его вытянутые пальцы нащупали заднюю часть садовой стены, он свернул влево, прижимаясь к кирпичам, чтобы избежать самой плотной растительности. Оказавшись за садовым туалетом, он осмелился попробовать «проблесковый свет», который высветил ему дождь, ветви и, что удивило: деревянную лестницу, приставленную к задней стене. Он оторвал палец от контактного кольца, служившего выключателем, экономя зарядку батареек.

Поднявшись по лестнице и свесившись животом через искривлённый верх стены, он стал нащупывать внизу и обнаружил с другой стороны ещё одну лестницу.

Мрачная находка: похоже, что кто-то уже проложил себе дорожку между садом Мортон и садом. А если она ведёт в сад, то приводит и в дом? Он почувствовал тошнотворность от отвратительной мысли, что кто-то проникает в его дом.

Он неловко перебрался через стену. Ступив на лестницу, почувствовал ее хрупкость, но всё равно спустился и на другой стороне увидел настоящий садовый навес. Деревянный, не кирпичный, и никаких клубков спутавшихся сорняков – реальный сад, который был таким ещё пару месяцев назад. Он легко пересёк его, почувствовав что-то твёрдое на высоте промежуности, – то ли солнечные часы, то ли статую, что оказалось на его пути временным препятствием. Затем он прислонился к задней части стены дома между дверью в подвал и черным ходом, и замер в ожидании своего человека.

Он всё ждал. Ждал и ждал. В половину одиннадцатого, когда прозвенел колокол удалённой церкви, он двинулся вдоль стен к двери и подёргал ее, она была заперта. К сожалению.

В половине двенадцатого он отказался от идеи. В соседних домах погасили свет. Дождь по-прежнему лил; отсвет города все ещё светился, но шума его уже не было слышно. Мортон вернулся домой тем же путём, мокрый, злой, как кот, которого выставили за дверь под дождь.

Глава 5

– Есть что-нибудь? – спросил Фрэнк не без скептицизма.

Детнон уже стоял в своей прихожей. Фрэнк в замызганном халате, пижамных штанах, выглядывавших между полкой халата и полом, стоял в проёме двери своего жилища. Слева от Мортон вдоль стены наверх вела лестница в его собственную часть дома. Вокруг них висели огромных размеров картины шотландской жанровой живописи, какие-то непостижимые при тусклом свете.

Мортон сбросил с себя макинтош и подал его Фрэнку, затем шляпу.

– Твой незваный гость либо плод твоего воображения, либо он живёт в другом месте.

– Плод воображения? А кто преследовал некого, потому что ему показалось, что за ним следят? Кто видел мужчину со странной верхней губой в Нью Скотленд-Ярде?

Мортон проворчал:

– Может, нам обоим померещилось. Поднявшись наполовину по лестнице, он остановился. – Я чуть не грохнулся из-за лопаты позади дома. Это ты оставил?

– Ха, ха. Я нанял одного бездельника, которого порекомендовал развозчик льда; он начал копать и полчаса спустя сказал мне, что в заднем саду не земля, а бетон, и я мог взять лопату и положить куда-нибудь. Да, мне это напомнило, я имею в виду разносчика льда, камера для льда тычет и мне поднадоело вытирать вокруг неё.

– Мы только что ее запаяли – заметил Мортон.

– Не знаю, она тычет. Нам нужен настоящий современный холодильник. Камеры быстро выходят из строя.

– Хорошо, пока продолжай вытирать.

Мортон поднялся в длинную гостиную, прошёл её всю, не зажигая газового освещения, и выглянул в высокое окно в задней части дома. Дом позади был совершенно тёмным, острой конечная дыра в ночи. Была почти полночь – нет, до неё оставалось ещё четыре минуты; прозвучал колокол на церкви Святой Троицы, как всегда не вовремя.

Он вернулся к своему креслу рядом с почти потухшим угольным камином, подбросил в камин пару смолистых кругляшей, несколько кусков угля и сел в своё кресло. Открыл книгу, но не читал, вместо этого сидел, подперев кулаком нижнюю губу и думая о Таис Мельбур.

Спустя какое-то время поднялся Фрэнк, чтобы убрать посуду. Ставя стаканы на поднос, он сказал

– Иисус никогда не смеялся.

– Иисус рыдал.

– Именно так. Я перечитал Евангелие. Он не смеётся. Он рыдает, как вы сказали – чудо воскрешения Лазаря из мёртвых.

– Ничего бы не случилось, если бы он смеялся, как думаете?

– Богохульное замечание – возразил Фрэнк.

– Нас учили, что он святой во плоти, ведь так? А живая плоть смеётся! Катя теряет контроль над тобой?

– Не надо личного, пожалуйста – этого нет в нашем договоре.

– Иди спать, Фрэнк.

– Я и лежал уже в постели, но затем вы вернулись и теперь кому-то из нас надо вымыть стаканы, которыми пользовался другой. Ложись спать, какое там.

Мортон улыбнулся ему вслед. Он закрыл книгу, которую так и не читал, убавил свет и снова подошёл к большому окну. Ливень уже перешёл в холодную морось, в которой город отсвечивал тусклым желтоватым светом, на фоне которого дома превратились нечёткие силу-

эты. Дом позади был темнее остальных, пока небольшая точка света не двинулась по нему, блуждающий огонёк, как бы медленно танцевал справа налево.

«Он там!» – Мортон тяжело вбежал по лестнице за своим новым пистолетом, потом снова спустился.

– Вызови констебля! – прокричал слуге. Ещё раз посмотрел в заднее окно, в котором ничего не увидел, блуждающий огонёк исчез. Фрэнк стоял снизу лестницы в пижаме, волосы на голове спутаны.

– Что я должен сказать копу?

– Я видел свет в заднем саду дома за нашим, ну, и как ты думаешь, что нужно сказать ему? – Мортон сбегал вниз по лестнице к нему.

– Я уже отходил ко сну. Посмотрите на меня.

– Кинь мне мой макинтош. Он обошёл Фрэнка. – Я выхожу через чёрный вход.

– На вас даже ботинки не надеты!

Мортон снова оказался в саду позади дома, и высокие мокрые сорняки начали хлестать его по лицу и рукам. Надо было надеть пальто, но времени не было. Его старый вельветовый пиджак уже намок, как и его тапочки на тонкой подошве. Он прокладывал себе дорогу сквозь сорняки, нашёл кирпичную дорожку, это ускорило его продвижение. Уже взобравшись наполовину на лестницу, он понял, что оставил свой фонарик. Он помедлил, замерев с поднятой ногой перед очередной ступенькой, потом сказал себе, что это уже не имеет значения, продолжил подъем и перелез через стену. Спускаясь с другой стороны, он почувствовал себя уязвимым, поскольку спина его была открыта для того окна наверху, в котором Фрэнк видел фигуру, а он видел свет. Он почувствовал дрожь, убедил себя, что это из-за сырости и обогнул то препятствие (солнечные часы? статуя?) и пересёк лужайку. Где-то вдали он услышал свисток полицейского, как птичий крик, бесконечно одинокий – наверное, Фрэнк вызвал констебля.

Дверь на уровне земли была закрыта, а вот наклонная дверь в подвал была приподнята, опиралась на что-то, и предусмотрительно отклонена от вертикального положения. Благодаря сырости в воздухе отсвет города был рассеянным, неясным, но было уже не так темно для его уже привыкающим к темноте глаз. Отверстие внизу, где располагалась дверь и за которой наверняка там были ступени, зияло откровенной чернотой. Он встал на колени, опустил в отверстие руку и нащупал первую ступеньку – каменная, расколотая, холодная. Он поднял голову и прислушался: где Фрэнк и полисмен?

Он был уверен, сейчас в доме кто-то есть. Дверь в подвал была открыта так, чтобы можно было быстро убежать; это ему показалось глупым, даже каким-то ребячеством – появиться в саду полисмен с фонарём, первое, что он увидит – эту дверь. Но тот, кто это сделал, думал не совсем обычно. Несерьёзно, по-детски, что ли. Не в здравом уме? Мортон так и сидел на корточках под дождём и думал о том лице, которое он видел в Нью Скотланд-Ярде. Детское, но – умное? Во всяком случае, не глупое. И настороженное. Так, если я умный, но веду себя ребячески, то, что я здесь делал? Он подумал, что умный ребёнок должен был оставить там внизу что-то, чтобы сбить с толку преследователя, и что бы подало ему предупредительный сигнал.

Мортон опустился в лужу перед дверью и нащупал верхнюю ступеньку, затем следующую. Поперёк третьей ступеньки на высоте примерно пятнадцати сантиметров была натянута верёвка, одним концом привязанная к гвоздю, другим – к груде использованных консервных банок, опуская голову вниз, он почувствовал запах остатков мяса и рыбы. Система тревожной сигнализации. Что-то из «Бойз оун»²⁹

Мортон осторожно стал спускаться на ощупь вниз, переступил через верёвку и ещё на одну ступеньку вниз, затем ощутил впереди прикосновение растрескавшегося дерева старой двери. К ней была прислонена швабра.

В подвале пахло землёй, кошачьей мочой и старым углём. Нижние окна на подвальном этаже смотрелись как бледно-жёлтые прямоугольники. Опираясь на руки и колени, он прополз по полу, направляясь туда, где, как он надеялся, должна быть лестница, ведущая наверх к двери с другой стороны дома. Он прополз всего полтора метра и довольно легко обнаружил лестницу благодаря свету от окна сверху, свет с улицы отбрасывал через него внутрь жёлто-зелёные узоры. Он поднялся по лестнице.

Пространство наверху было нечто похожим на коридор, с дверями, с выходящими от него дверями и окнами пониже одной из стен. Пробираясь вперёд в ожидании очередной ловушки из «Бойз оун», он шёл в направлении Миллман Стрит, затем прошёл через открытый дверной проем, и оттуда через то, что можно было принять за часть дома для слуг в собственно жилое помещение – большое пространство, тёмное, выходящее на открывающиеся за ним другое пространство – прихожая? Слева от него вела наверх лестница, и сверху доносился звук.

Это был голос, слова неразборчивы. Затем другой голос, отличающийся от первого, но такой же неразборчивый.

Мортон выставил вперёд пальцы и поставил левую ногу на первую ступеньку лестницы. Он остановился, ожидая скрипа, его не последовало. Тогда он двинулся на следующую ступеньку.

Первый голос снова пробормотал что-то и продолжил говорить. Мужчина, подумал он. Он поднялся ещё на одну ступеньку. Ещё один голос, монотонно, нарастав – женский?

Он уже поднимал правую ногу на четвертую ступеньку, потеряв равновесие, когда громкий стук прогреготал в парадную дверь дома – бум-бум-бум-бум.

– Полиция! Эй, кто-нибудь? Это полиция!

Вздрогнув от неожиданности, Мортон на мгновение потерял равновесие, восстановил его и прислонился к стене. Над ним раздался звук стремительного движения и снова тишина.

В дверь снова постучали.

Мортон стремительно начал подниматься по лестнице, развернулся на лестничной площадке, продолжил движение и в этот момент увидел что-то летящее на него вниз, что-то большое, нереальное; тогда он поднял свой кольт, уклоняясь от летящего. Его большой палец по привычке искал мощный курок старого револьвера и не нашёл его. Пистолет был ещё совсем новым для него, почти не опробованным; он забыл. Что пистолет был самовзводный и стрелял просто при нажатии на спусковой крючок; его большой палец искал маленький курок и прежде чем он его взвёл и смог стрелять. Это что-то свалилось на него, придавливая его, воняя плесенью и мышами. Он отбросил его, чувствуя сырую мягкость, малый вес, взвёл, наконец, пистолет и почувствовал, что он на лестнице один. Он посмотрел вверх в темноту.

Глухой стук в дверь прозвучал снова.

– Идите к заднему входу! – кричал Мортон – в задний вход!

Он рванул выше по ступеням и, поворачивая наверху в коридор, почувствовал какое-то движение в темноте вокруг него, поднял левую руку, защищаясь, а правую в готовности выстрелить, когда почувствовал удар по плечу, который срикошетил в голову. Он споткнулся, упал на правое колено, в глазах у него поплыли искры. Что-то сильно оттолкнуло его голову вправо слева, и тяжёлые шаги прогреготали вниз по лестнице.

Мортон встал. Он пытался устоять, но сполз и остался сидеть, прислонившись к стене. Входная дверь распахнулась со стуком.

– Вы можете идти?

– Только руку повредили. А так, я в порядке, сержант.

– Это был он?

– Это был кто-то, и у него была палка или что-то тяжёлое.

– Боже мой.

Позади них раздался пронзительный свисток полиции – прибыл констебль с подкреплением. Они были уже в саду позади его дома, а Мортон всё ещё сидел на полу наверху лестницы в подвал. Дождь прекратился. Он подумал, что недооценил их человека, и это была его ошибка, что он не воспринял кого-то с рыжими усами серьёзно. Каким же он был идиотом.

– Доктор Бернат уже идёт. Д-р Бернат был хирургом, живущим на углу Ламб Кондюит Стрит и Гилдорф Стрит, в паре шагов от дома Мортон.

– Перестаньте трястись надо мной, сержант.

Затем следом за Фрэнком подошёл констебль и доктор Бернат, который нашёл путь, как пройти с Миллман Стрит. У полицейского был потайной фонарик, который Фрэнк направил на плечо Мортон, пока доктор его осматривал, а констебль записывал «показания потерпевшего».

– Не сломано, только сильный ушиб, – сказал Бернат. – Мне нужно больше света. Вызовите кэб, надо в больницу – знаю, вы будете протестовать, но...

– Никакой больницы, абсолютно исключено.

– Вы же травмированы.

– Я сбит с толку! А травмы у меня были и похуже. У меня всего удар по руке и удар по голове. Я сам спустился вниз через тёмный дом. Со мной всё в порядке, доктор! Так, потряхнуло немного, не более.

Полицейский сказал:

– Поточнее.

– О чём поточнее?

Полицейский прочистил горло. Он был старше их всех, но вряд ли умнее.

– Ну, начнём с этих лестниц.

– На стене сада? Ну, хорошо.

Мортон стоял сам, отказавшись от помощи Фрэнка. На Фрэнке был макинтош Мортон, который был настолько велик ему, что волочился по земле. Из их собственного сада выражал своё несогласие пёс одиночным редким лаем за то, что его не допустили к месту действия. Полицейский посветил своим потайным фонариком на ступени в подвал. Мортон сообщил ему о голосах, о нападении, о входной двери. – Я думал, констебль, что вы прибежите, когда я закричал.

– Дело в том, не понятно как войти. Вы сказали идти к заднему входу. Я подошёл к заднему входу и ничего не увидел. Ну, и подумал, что важнее оказать какую-нибудь помощь. Он передал фонарик Фрэнку и сделал какие-то заметки.

– Вернёмся к лестницам, – сказал он.

– Мы их нашли в том виде как сейчас.

Полицейский откашлялся, снова взял фонарик и пошёл по траве к задней стене. Он посветил на неё фонариком, опустил на землю и осмотрел ее конец.

– Отпиливали.

– Это важно?

– Вы что-нибудь делали сами, сэр?

– Конечно, нет.

– Лестница тоже не ваша?

– Я не владелец этой лестницы.

Полицейский поставил лестницу назад, залез на неё и, стоя там, осмотрел сверху заднюю часть сада Мортон. Затем он спустился.

– Лестницу с вашей стороны тоже отпиливали. Одну лестницу распилили на две, если вы следите за моей мыслью.

– Слежу.

– Намеренно.

– Похоже, так и было.

Полицейский отступил назад и посветил фонариком вокруг. – Здесь работа для детектива. Он выпрямился. Пришлём его сюда утром.

Он подошёл ближе к Мортону. В саду было холодно. Мортон задрожал и вспомнил, что его одежда промокла насквозь. И всё-таки, в этом моменте было что-то неправильно приятное – темнота, смолкающий город, звезда, которую он заметил в небе над ними – такое чувство, будто дело могло легко повернуться и хуже.

– Ну, вернёмся к делу, сэр, – сказал полисмен.

– Не самое подходящее место, чтобы давать показания. Почему бы нам не войти в мой дом? Там можно выпить чаю.

Полицейский задумался над предложением.

– Если ваш человек останется здесь на месте, сэр, я вызову ещё одного констебля для охраны, и мы продолжим.

Это заняло у него пятнадцать минут. Мортон совсем замёрз.

В конце концов, он добрался до кровати. Рассказ о человеке с рыжими усами, фигура в окне, свет, который Мортон видел в доме, было больше, чем то, что полисмен хотел услышать. Он несколько раз повторил, что Мортон должен всё это обязательно рассказать детективу. То, что Мортон сам ждал там на месте раньше его прихода, заставило его нахмуриться; само то, что Мортон вошёл в тот дом, вызывало у него ещё большее неодобрение.

Это был бесстрастный коп с лысеющей головой, на которой была видна красная полоска, видимо от постоянного движения шлема. Волосы по краям головы, частично седые, были мокрыми от пота, стекающего с головы. Он несколько раз покачал головой, но напрямую так и сказал, что история эта очень странная.

– Это дело для детективов, – сказал он ещё раз и ушёл.

– Теперь вы вляпались, – сказал Фрэнк.

– Я?

– Полиция будет считать вас виновным за взлом и проникновение, пока они не раскроют дело.

– Иди-ка ты спать.

– Я не ложился спать всё это время не потому, что мне это нравится, генерал. Фрэнк посмотрел на него с подозрением. – Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Рука болит, но я ею работаю, и пальцы сгибаются. От удара по голове у меня звёздочки поплыли перед глазами, но это прошло, осталась головная боль. В основном, меня ранит то, что я оказался таким тупицей. Ты, наверное, подумал, что я раньше никогда из пистолета не стрелял.

Наутро синяк на руке Мортон саднил, но головная боль прошла. Он по-прежнему был недоволен собой, пожалуй, ещё больше, чем вчера. Желая от него избавиться, он вышел на Миллман Стрит, посмотрел на дом спереди и рядом с входной дверью обнаружил объявление «Сдаётся внаём». На нём от руки мелким, но аккуратным, почерком было написано имя агента недвижимости на Рассел Сквер. Ни само объявление, ни размер текста не предполагали, что кто-то сильно надеялся в отношении дома №14 по Миллман Стрит. Мортон посмотрел на дом и понял, почему: слишком маленький, слишком старый, слишком плохо ухоженный. Казалось, что вряд ли кто жил тут вообще раньше? Маловероятно.

В девять ругаясь от того, что приходится тратить на это своё рабочее время, он уже стоял у компании «Плам и Ангевин» на Рассел Сквер. Плам оказался угодливым, улыбающимся, похожим на кролика человеком, который был слишком молод для такой фамильярности, изумился, что на кого-то напали в одном из его домов и шокирован, что кто-то проник в дом.

– Но это же взлом и проникновение, – сказал он. – Вам нужно было нас известить!

– Вас не о чем было извещать.

– Вы обязаны по закону!

– Не будьте таким смешным – возразил Мортон.

– Но это ценная собственность!

– Ага, а я король Сиама. Слушайте сюда, мистер Плам, мне кажется, что тот человек шпионил за мной из этого дома.

– Значит, вы признаете, что вы виновны.

Мортон уже начал подумывать о том, чтобы взять мистера Плама за лацканы и поднять от пола. Однако в этот момент подошёл детектив и показал своё удостоверение «d», и Мортон уступив дорогу на ступеньках, спросил, – Вы не по поводу Миллман Стрит 14?

Детектив, который был молод и явно боявшийся, что не производит достаточной авторитетности, выкрикнул, – А вы кто такой?

– «Я живу в доме за номером 14. Я тот самый человек, на которого напали.

– Так, вы? – он посмотрел на какие-то записи. – Вы, мистер Мортон?»

– Да, это я.

– Мы хотим поговорить с вами. Он дотронулся до руки Мортон так, будто собирался задержать его. – Меня зовут Марксон. Детектив.

Двадцать минут спустя Мортон отвечал на вопросы в саду позади дома №14, а мистер Плам стоял возле дома, вид у него был холодный и обеспокоенный. Полисмен, который простоял там часть ночи, выглядел неприступно. Через несколько минут ответов на вопросы Марксона, Мортон отпустили к Пансо, который появился из-за угла как какое-то большое животное. На нём была шляпа, он сказал, что очень торопился, волосы его свисали также как у полицейского ночью. Он кивнул Мортону и склонился над молодым полицейским.

– Что у вас есть?

– Выслушивал этого человека, Мортон.

– С какой целью?

– Он жертва этого нападения.

Пансо повертел глазами. – Вы уже были внутри дома?

– Продвигаемся не спеша. Мне сказали быть осторожнее с отпечатками пальцев.

Пансо с шумом выдохнул и посмотрел на Мортон. Пансо и детектив быстро прошли по газону к двери в подвал, который Марксон называл «местом преступления», при этом каждые пять секунд Пансо произносил: «Да, да», как будто он уже всё слышал. Затем Пансо взял Мортон за руку и повёл его к задней части сада.

– Вы полагаете, что кто-то следил за вами из этого дома, так? Вы не видели ничего пару ночей, потом случилось это – верно? Увидели кого-то в окне один раз, может быть, затем «свет» в ночи, может быть – верно? Так было?»

– Ещё лестницы.

– Ну, да, лестницы. Мортон привёл его к лестнице, которую Пансо установил на стену и с которой он осмотрел сад Мортон. – Вы что-нибудь собираетесь делать с теми розами? – спросил он.

– Не думал об этом.

– Розы – это нечто. Сейчас они в плачевном состоянии, присмотрите за ними, и они доставят вам огромное удовольствие. Похоже, что с почвой всё в порядке. Я бы мог дать вам несколько отростков-черенков, ну, вы знаете. Очень доволен своими розами.

– Фрэнк хочет выращивать овощи.

– У него души нет. Пансо посмотрел в записную книжку. – Да, лестница была распилена на две, ни вы, ни ваш слуга этого не делал, верно? Он шмыгнул носом.

– Записи от первого копа, появившегося на месте, лежали у меня на столе уже в семь, с припиской от Джорджи Гиллама. Посмотрите то, что ваш приятель натворил в этот раз. Я

подумал, что лучше всего мне появиться здесь, до того, как кто-нибудь решит, что вы порочный преступник. Он надел шляпу и понизил голос:

– Я говорил, что от Джорджи можно ожидать гадостей. Это даже не его епархия, но у него должно быть есть кто-то, кто докладывает ему о бумагах с вашим именем.

Пансо снова взял Мортон за руку и подвёл его обратно к молодому детективу.

– Прекрасно поработали здесь, Марксон, но мы не хотим тратить время попусту, идя по ложному следу. Мистер Мортон хорошо известный человек с прекрасной репутацией, он некоторым образом друг Ярда. Я уверен, что вы помните дело Стелы Минтер в прошлом году, поэтому дам умный совет бывалого человека: не тратьте на него слишком много времени. Хорошо? Вот и ладно. Пойдёмте внутрь.

Пансо поднял дверь в подвал за U-образную ручку. Агент недвижимости звякнул какими-то ключами, но Пансо проигнорировал его. Он стоял, глядя вниз на каменные ступени в фундаментной стене.

– Гляжу, тут современная система тревожной сигнализации. Он ударил по верёвке, банки разлетелись по сторонам, повернул налево и удивительно лёгкой для него походкой на цыпочках спустился вниз по ступенькам и затем вдоль выступа поднялся до уровня земли и заворчал. Он вынул носовой платок, опять прошёлся им по выступу и вернулся вниз с большим ключом.

– Один из тех старых замков, которые вы можете легко открыть шпилькой для волос. Держа ключ в платке, он помахал им детективу. – Я знаю, отпечатки пальцев. Он посмотрел на Мортон. – Мы только что получили руководящее указание по отпечаткам пальцев. Наша самая последняя причуда. У нас теперь есть «Отдел по работе с отпечатками пальцев», с прошлого августа. Он завернул ключ в носовой платок и передал его Марксону. – Платок мне верните. Он посмотрел вверх на Мортон, все ещё стоящего на лестнице.

– Конечно же, мы не сможем получить отпечатки пальцев, если только у человека просто так не оказалось краски или грязи, или собачьего дерьма на пальцах, но очень важно, чтобы мы со всем обращались в перчатках или с чистой ватой. Он недовольно проворчал.

– У меня есть ключ от входной двери, – произнёс агент по недвижимости.

– Это хорошо.

Теперь Мортон разглядел подвал – каменный пол и запах кошек, плесени и дерева, которое очень долго было сырым. Огромный очаг, едва различимый у дальней стенки, свидетельствовал о том, что здесь когда-то была кухня. Деревянная лестница, по которой он поднимался наверх, вела в коридор, нынешняя кухня была видна из него, а слева располагалась кладовая. Сам дом был каким-то узким, мало обставленным, с лепными украшениями и каминами, которые показались ему старомодными, как те, что он видел в детстве.

– Запертые дома всегда холоднее, чем дыхание тётки, – сказал Пансо.

Он подвёл их к лестнице, где Мортон вспоминал, что он делал и слышал. По лестнице частью свисал грязный узкий матрас – та бесформенная вещь, которая летела в Мортон сначала. При дневном свете он, да и всё остальное, смотрелось каким-то маленьким, убогим и безобидным. Сверху на лестнице, прислонённая к стене, лежала каминная кочерга без ручки – то, чем ударили Мортон. Марксон поднял ее, пользуясь носовым платком.

Они поднялись в комнату, в окне которой, как полагал Фрэнк, он видел человека с рыжими усами. Из окна открывался прекрасный вид на заднюю часть дома Мортон.

– Это мог быть бродяга. Вот так, просто стоял и наблюдал? – произнёс Пансо. Он посмотрел на Мортон. – А почему?

Мортон уже подумывал рассказать ему о человеке, которого он видел в Нью Скотленд-Ярде, о вероятности того, что случившееся с ним каким-то образом связано с Гилламом, но передумал. Он просто сказал, – Хотел бы я знать.

– Вы сказали, что слышали два голоса.

– Мне так показалось – мужчина и женщина – но, думаю, мимо меня по ступеням сбежал только один человек. Хотя, я не уверен...

– У вас есть враги? Может, получали угрожающие письма?

– Скорее, наоборот.

Пансо посмотрел так, будто хотел что-то сказать, но отвернулся. Он отправил детектива за кем-нибудь, кто бы начал осматривать дом. Плам, тот агент по недвижимости, как-то нервничал, будто ожидал увидеть, что потолок обрушился в дом. Пансо предупредил его ничего не трогать и отослал вниз открыть входную дверь для полиции. Затем он походил вокруг окна, изучая пол, опустился на колени и пригляделся к подоконнику и раме.

– Да, здесь точно кто-то был. Следы на пыли. Он встал. – Если бы вы следили сами за собой отсюда, вы бы спали здесь?

– Да, это был бы один из способов делать это.

– Но вода и газ отключены. Вам бы потребовалась кровать и кружка и то, чего пить и, возможно, чего-то делать. Становится скучно, осмотр закончен. Урочная работа выполнена, так я вам скажу. Он снова снял свою шляпу, потом надел ее. – Послушайте, пока мы тут вдвоём – с чего вы взяли, что это как-то связано с вами?

– Фрэнк видел кого-то. Я видел свет...

– Ну, да, да, всё это вы уже нам рассказали. – Может бродяга. Может, что ещё?

– Я получил, м-мм, некого рода, странные письма. В последнем явно звучало, будто автор явно следит за мной. Видел меня каким-то образом.

– И с чем это связано?

– Не знаю.

Пансо покачал головой. Посмотрите в шкафах, не оставил ли кто-то следов своего присутствия. Я сейчас вернусь. Он уже было пошёл, затем повернулся. – Ничего не касайтесь без носового платка. Там наверху совсем рехнулись на отпечатках пальцев. Кажется, я это уже говорил, так?

Мортон поднялся ещё на один пролёт к спальням и начал двигаться по комнатам. Этажом выше, где в комнате предназначенной, как он полагал, для служанки, он нашёл два одеяла, свёрнутых вместе в небольшом шкафу под лестницей, вместе с ночным горшком и стопкой писчей бумаги. Он обмотал одну ладонь носовым платком, приподнял крышку горшка, почувствовал его зловоние и увидел, что его нужно вымыть.

Большинство листов были исписаны зелёными чернилами, сведённая судорогой рука писавшего, не позволяла удерживать строки прямыми. Первая страница была довольно искусно разукрашена каллиграфическими завитками и крохотными личиками, злыми, несколько похожими на встречающиеся в средневековых манускриптах. Посередине сантиметровыми буквами с орнаментом было написано: «Демон у него в голове», а ниже – буквами поменьше «Роман Альберта Джадсона».

Он поднимал страницы кончиком своего карманного ножа. И читал слова, фразы, видел чередования и каракули под различным углом, что, похоже, свидетельствовало о потере контроля по мере того, как он углублялся в стопку записей. Затем пошли страницы с только несколькими словами, написанными большими буквами, затем рисунки – гротескные лица, пенисы и яички, глаза. Затем страница какой-то бессвязной нелепицы, просто набор слов, неразборчивость почерка. За этим последовал вразумительный текст, как будто пытались снова начать – и имена и события персонажей из набросков, пропавших с письменного стола Мортонна.

Затем вернулся Пансо, который сказал, незванный гость опорожнял свой горшок в туалете в саду Мортонна, и тут Мортон почувствовал приступ внезапной тошноты: Он – это я.

Сидя снова в своей комнате с кофе, глядя на сидящего напротив в расстёгнутом пальто Пансо, Мортон размышлял над вопросом – была ли это угроза? – Альберта Джадсона. В даль-

нем конце комнаты дверь к «немому официанту»³⁰ была открыта, что служило средством прослушивания сержанта Фрэнка, он был в курсе всего, о чём там говорится. Мортон не возражал; он все равно хотел бы позднее обсудить эту тему с ним.

– Я теряю целый рабочий день, – сказал Мортон.

– А я нет? Я на каникулах, да? Я здесь вообще не должен быть, Мортон; в отделе уголовного розыска для меня приготовлена работка получше.

– Если должны быть там, бегите.

– Марксон, тот молодой детектив, хороший парень. Это его дело; он-то и будет тем, с кем вам нужно говорить. Но не забывайте, что он молод и стремится делать успехи, и он может не успеть оглянуться, как Джорджи Гиллам окажется у него на «хвосте», разнюхивая, что да как.

– А что там с отпечатками пальцев, про которые вы говорили?

– Вы же знаете, как они выглядят? Конечно, знаете. Нет двух одинаковых и всякое такое. Он заворчал. – Давайте пропустим то, что это ещё нужно доказать. Значение имеет то, что министр внутренних дел Велик Давидтани и прочие ныне власть предержащие хотят, чтобы мы собирали отпечатки пальцев на местах преступления. И что, они помогут нам находить преступников? Нет, потому что у нас нет того, с чем их можно сравнить. Будут ли они полезны нам через десять или двадцать лет, когда мы соберём их достаточное количество? Может быть, если теория правильная. Сегодня же, всё, что они могут нам сказать, так это – возможно, кто-то, чьи отпечатки у нас уже имеются, мог бы быть на месте преступления. Вот почему вам сегодня нужно подойти в Ярд и оставить свои отпечатки пальцев.

– У меня есть дела поважнее.

– Парень, который занимается отпечатками, уходит домой в шесть; сделайте это до того. Хорошо?

– Послушайте Пансо...

– Да, вы меня не слышите! Чем послушнее вы будете, тем быстрее выйдете из этой истории. Он выразительно наклонился вперёд. – Я хочу, чтобы вы сегодня же оставили свои отпечатки пальцев. Он поднял руку. – И ещё одна вещь.

– О боже, что ещё!

– Вы не имели права заходить в тот дом. Вам нужно было позвать констебля.

– Я послал Фрэнка позвать его.

– Поскольку вы вошли в дом, который не был вашим, в темноте, то вынудили кого-то поднять на вас руку, которая могла бы на самом деле проломить вам голову. Он покачал головой. Вы поступили неумно, Мортон.

– Хорошо, согласен. Это было неумно.

– Вы человек, к которому проблемы так и липнут. В прошлом году это был убийца; несколько дней назад вы пришли ко мне с проблемой какой-то пропавшей девушки. Как это объяснить, а?

– Я был поставлен в тупик.

– А теперь вот это – кто-то шпионит за вами, и с этой целью проник в этот дом.

– Не моя вина, что какой-то псих шпионит за мной».

– Кто сказал, что он псих?

– Вы видели тот рукописный текст?»

– Маленькие личики на первой странице, да, выглядит несколько необычно. Эльфы и феи, как вы думаете, они существуют? Он что, писал небылицу, сказочную историю?

Мортон помрачнел. – Первый абзац слово в слово сворован из первого абзаца моей книги. Через какое-то время его каракули начинают воспроизводить наброски книги, над которой я работаю. Эти наброски были в моем письменном столе, когда я уехал из Лондона!

– Он был в вашем доме? Что ещё пропало?

– Ничего из того, о чём я знаю. Но, – чёрт возьми, Пансо, он был здесь! Он сидел в моём кресле, лежал на моей постели, готов поспорить на что угодно, он срал в моем туалете, потому что не контролировал себя!

– Воры-взломщики поступают так часто – это правда, прямо посреди ковра.

– Пансо, я думал, что это какой-нибудь безобидный болван. Теперь я так не думаю. Это – уже «бросает в дрожь»! Один британский обозреватель назвал вторую книгу Мортон «американской фантазией на тему бросающего в дрожь представления». Получается, что посеешь, то и пожнёшь.

Бесстрастное лицо Пансо, похоже, одеревенело. Он уставился на Мортон. – Не понимаю, к чему вы это.

Мортон встал и прошёлся взад-вперёд по комнате. – Думаю, это связано с подражанием.

– Эй, я теряю нить.

– Подражание – самая искренняя форма лести. Претендующие называться писателями, подражают тем писателям, которые это написали – «игра в старательное обезьянничание», так это называл Стивенсон. Думаю, что Альберт Джадсон может быть уже на несколько миль впереди этого.

– Значит, вы считаете его сумасшедшим.

– Не знаю. Но это вызывает страх, когда вот так обнаруживаешь что-то своё, что кто-то взял целиком. Он даже может искренне верить, что это он сам написал.

– Вы имеете в виду то, что, если он знает, что это ваше, то он просто честный воришка; а если он думает, что это его, то он сумасшедший – правильно? Боковой стороной ладони Пансо сделал небольшую складку на своей мягкой шляпе. – «Вы думаете, он опасен?

– Как я могу знать?

– Так, он ударил вас кочергой. Я думаю, нам лучше будет приставить к вам кого-нибудь, кто бы понаблюдал, не преследует ли он вас.

Мортону не понравилась идея соглядатаев.

– Он может оказаться просто ребёнком, которому без ума хочется быть кем-то.

– И этот «кто-то» – вы?

– Искренне надеюсь, что нет.

Мортон не был поклонником новой псевдонаучной психологии, но он немало прочёл у Крафт-Эбинга³¹ и Джеймса³², чтобы знать, что существует особая форма фантазии, переходящая порой в навязчивое состояние. Фактически, он иногда писал об этом, хотя несколько по-другому, называя это приведением или демоном, а не аспектом личности. Сейчас он размышлял над тем, не использовал ли Альберт Джадсон слово «демон» в заглавии как намеренное подражание. Или это было некое отождествление? Может он хочет скрываться под личиной кого-то ещё.

– От чего? Вы в своей сказочной стране, Мортон. Пансо поднялся. Он покрутил своей шляпой на пальце и напялил её на макушку. – Отправлял вам любовные письма, типа того, так?

– Вы представляете это как-то по-женски – как страсти школьницы. Фрэнк говорил нечто подобное.

– Да? – Пансо вскинул брови.

– Да, звучит похоже на это.

– Мортон, у вас есть его письма?

– Я сжёг их в тот же день, как вернулся домой. Нет, постойте, может одно и сохранилось, то, что пришло вчера. Он опустил на колени перед каминной решёткой, но увидел только пепел и догорающие угли.

– Я поищу его. Может оно в мусорной корзине.

– И вы, конечно, не помните адрес.

– Не уверен, был ли он вообще. Он сжал ладони в кармане. – Я всё время получаю подобные письма, может быть не столь возбуждённо написанные. Это часть профессии.

– Испытание быть знаменитым. Вы на них когда-нибудь отвечали?

– Мортон возмутился. – Они уже здесь лежали какое-то время. Конечно же, я на них не отвечал. Господи, в одном из них он просил копию каждой моей книги, подписанную специально для него!

– Но адреса там не было?

– Не думаю. Он не рационален.

– Мм – да. Пансо застегнул пальто. В любом случае, вы должны быть послушным гражданином, так что зайдите в Нью Скотленд-Ярд сегодня до шести. А мы поставим кого-нибудь приглядеть за вами. А от вас ожидаем, что вы будете ставить нас в известность обо всём, что будет происходить. Так ведь. Это не прозвучало вопросом.

– Обо всем имеющем к этому отношение – ответил Мортон.

Пансо попрощался поднятием шляпы, помахав её полем вверх вниз. – И вы не должны заниматься этим делом самостоятельно! И мне всё равно, что вы когда-то были Верховным шерифом Америки, здесь мы – полицейская власть.

– Я сейчас занят тем, чтобы завершить свою книгу.

– Вот и хорошо. Помните об этом и мы со всем справимся. Он надел шляпу. А вы заявили эту девушку как пропавшее лицо? – спросил Пансо.

– Я ещё не установил, что она пропала.

– В любом случае полицейского расследования по Альберту Джадсону вам хватит на весь этот год. Монро остановился у двери, похожий на медведя, и неожиданно повернулся. – Черт побери, я знаю, это не ваша вина, Мортон, но вы просто какой-то чёртов магнит, притягивающий всяких придурков и неудачников! Я сам себя провожу.

Чего он и сделал. Мортон услышал недовольное ворчание Фрэнка, смешавшееся со звуком открываемой двери.

Когда Фрэнк поднялся к нему, Мортон уже снова сидел в кресле.

– Все слышал? – спросил он.

– Ничего не мог с собой поделаться. Кухонный лифт был по недосмотру оставлен открытым.

– Этот ублюдок был здесь. Он-то и взял мои наброски. Одному Богу известно, чего он ещё натворил.

– Один из тех случаев, когда все вокруг хочется вымыть.

– Что скажешь?

– Думаю, сэр, вы вляпались в дерьмо собачье. Самым лучшим будет уехать на несколько недель в Италию.

– Мы только что вернулись домой.

– В Италии жутко красиво – Фрэнк поджал губы. – Думаю, что я подержу у себя какое-то время дерринджер. Вы действительно думаете, что этот Джадсон психически ненормальный?

– Я не знаю. Мне сейчас все эти отвлекающие раздражители ни к чему!

– Скажите это погромче, генерал. Может, они тогда уйдут.

Доктор Бернат пришёл ближе к полудню, осмотрел Мортону руку и голову и сказал, что Мортон оказался очень крепким орешком. Когда доктор закончил осмотр затылка Мортон, то обошёл его, приблизился, поднял очки и заглянул Мортону в глаза. Чтобы сделать это, ему, этому невысокому, бородатому, коренастому и даже красивому мужчине, пришлось приподняться на цыпочки.

– По глазам не скажешь, что вы счастливы, мистер Мортон.

– Много работы.

– Чрезмерное напряжение зрения. Бернат отошёл назад, взял наугад книгу с полки и открыл её. – Прочитайте. Он удерживал книгу на уровне глаз в нескольких футах от Мортон.

– А-а – нет, слишком мелко.

Доктор подошёл ближе. – А, сейчас? Затем ещё ближе. – А, так?

– Расплывчато.

Бернат с шумом захлопнул книгу. – Для работы с чем-то вблизи вам нужны очки.

– У меня не было времени сходить куда-то и выслушивать всю эту пустую болтовню!

Бернат уже что-то записывал в блокноте. – Вы, конечно, можете пойти на Харли Стрит³³ и заплатить несколько фунтов, чтобы пойти куда-нибудь ещё и заплатить там за очки ещё несколько. Он передал ему листок. – Или вы можете пойти туда, куда я сейчас иду, и куда ходит народ из Уайтчепела³⁴ и заплатить за это намного дешевле.

– Просто примеряете очки, пока не найдёте пару, которая вас устраивает. Очень милые люди, евреи, как и я, отзывчивые – настоятельно их рекомендую. Он посмотрел на него поверх очков. – Идите прямо сегодня.

– Сегодня я должен зайти в Нью Скотленд-Ярд и оставить там свои отпечатки пальцев.

– Звучит интригующе. Bravo! Он поднялся и положил ладонь Мортону на плечо.

При возникновении боли или, как это говорят – чувства жжения, сбрызгивайте веки водой. Давайте глазам отдыхать каждый час. Не отводите взгляд от какой-нибудь красоты на горизонте. Он взмахнул рукой. – Ну, к примеру, от красивой девушки. Но только, если она далеко! – Он рассмеялся и направился к двери. Не напрягайте слишком свою руку. На сегодня – просто посматривайте на хорошенькую девушку.

В два часа Мортон вышел из дома по направлению к машинистке с очередной порцией рукописи; затем он сел в метро до Уайтчепела, поскольку почувствовал раздражение в глазах, подумал, что если напряжение не снять, то не сможет работать дальше над книгой. Далеко позади, похоже, появился полный мужчина в темной одежде, затем его сменил худой в коричневом пальто, затем снова появился первый. Полицейские соглядатаи, предположил Мортон.

Он нашёл, как пройти к Ньюарк Стрит и на ней большой магазин «Современные модные очки и пенсне высочайшего качества», где строгие молодые люди в деловых костюмах и пенсне старались быть максимально похожими на врачей, помогая клиентуре выбирать очки из невысоких лотков, заполнявших двадцать или более длинных столов.

– У вас близорукость, да? – спросил юноша.

– Для чтения».

– Текст нечётко? Неясно?

– Именно так.

– Туннельное зрение³⁵? Нет такого ощущения, что смотрите сквозь замочную скважину? По краям нет чёрного?

Он вышел из магазина, став обладателем, всего за фунт и шесть шиллингов, очков в толстой оправе расцветки разношёрстного кота (из самого лучшего искусственного панциря черепахи). Он подумал, что выглядит в них комично, но потом решил. Что никто его в них не увидит, разве что Фрэнк. С очками в кармане он вернулся, чтобы зайти в Нью Скотленд-Ярд, где человек, от которого пахло чернорабочим-землекопом, один за другим тыкал всеми его десятью пальцами в штемпельную подушечку так, будто хотел их сломать.

Он свалился в постель в десять и почти тут же заснул.

Глава 6

На следующий день снова шёл дождь, когда он в сторону Эмбанкмент³⁶, чтобы встретиться с Таис Мельбур. В телеграмме, пришедшей от неё в полдень было: «Беседка для оркестра Гарденс мост Чаринг-кросс 5 после полудня точка Мельбур»

Он не сразу сообразил где это, но потом место встречи было вычислено с помощью Бедеркерс³⁷; подумал о том, что она знает Лондон лучше него, что она также любитель пеших прогулок. Интересно, подумал он, – гуляет ли она по городу по ночам, когда не спиться или когда была вынуждена сбежать (от матери, от такой жизни). Ну и связь с тем временем, когда она была уличной проституткой, с её прошлым, хотя она ему говорила, что попробовала выйти на улицу только раз, будучи слишком наивной, чтобы знать, как и где, и что её вытеснили потом в публичный дом миссис Касл на Уэстерли Стрит.

В тот день ему удалось написать почти сорок страниц. Работа загладила его озабоченность.

Он шёл вдоль реки, затем перешёл улицу и достиг мемориальной доски, посвящённой инженеру, который «обуздал» службу канализации Лондона и построил набережную Виктории. Впереди он увидел беседку для оркестра, бело-зелёную, которая в сумраке казалась чёрной, её заострённую крышу с флашштоком, на котором никакого флага не развевалось. Омнибус-конка прошлёпал рядом по проезжей части, разбрызгивая воду вокруг копыт лошади; он видел какое-то движение на мосту, очертания, но мало что свидетельствовало о присутствии жизни, скорее это было похоже на город теней, этакое гомеровское царство теней вне освещаемой солнцем поверхности, где отсутствуют человеческие существа.

Вначале он разглядел её в виде чёрного пятна в тени беседки. Затем пятно стало обретать очертания. В юбке, значит это женщина, что-то расширяющее её кверху – плащ с капюшоном. Ещё одна отвратительная чёрная шляпка. Он чувствовал, что начинает злиться на неё: казалось, ей было мало, что предложить ему, пришедшему сюда чёрте откуда.

– Вы уже здесь, – сказал он. Затем поднялся вверх на три деревянные ступеньки. С белого потолка не капало, но пол был почему-то мокрый, а там, где пониже, стояли лужи.

– Конечно.

Она стояла, облокотившись на белые перила; сложенный зонтик прислонился под углом. Он прислонился одним плечом к стойке. Его штанины намокли снизу. Он стряхнул воду со шляпы и снова ее надел.

– Вы вымокли.

– А вы, нет?

– Я взял кэб. Неудачное место выбрали для дождливого дня. Я думал, мы прогуляемся.

– Нет. Когда я отправляла телеграмму, дождь уже шёл; надо быть осмотрительной. Может, я надеялась, что вы не придёте.

– Вы сегодня работали? – спросила она.

– Весь день.

– Что-то новое?

Он рассказал ей про Цилеску и про роман.

– О чём он?

– О... – он поймал себя на том, что хочет ускорить события и сдержался. – О женитьбе мужчины и женщины.

– Они счастливы?

– Конечно, нет. Что бы это был тогда за роман?

Она даже не улыбнулась.

Он сказал, – Они разрушают друг друга, но не понимают, что именно это они и делают. Они постоянно – подкапывают под друг друга, нет – это хуже, чем подкапывание, – это ослабляет их обоих. Как долгая взаимная осада.

– Как он называется?

Он покусал губы. Ему не нравилось давать названия, все они казались ему какими-то глупыми. – Раньше я называл его «Машина». Теперь – это «Дитя любви»

– Вы не сказали, что у них ребёнок. И не один?

– Нет, нет, детей нет. Это – это то, что они, м-м-м, растили друг в друге. То, о чём... Книги всегда звучит так глупо, когда я рассказываю о них.

Он посмотрел в сторону на набережную, покусывая нижнюю губу, и продолжил:

– Что я увидел? Если что-то пошло не так, то в этом виноват не кто-то один из них. Они оба виноваты. Неудачный брак – это заговор двух людей с целью разрушить самих себя. Это нечто, что они рожают, а затем поддерживают и вскармливают. Муж начинает видеть, или – он думает, что видит ребёнка, мальчика. Он видит его из окна. Затем мальчик вырастет; и он снова его видит. Затем в следующий раз, мальчику уже девять или десять, что-то с ним не так, не тот взгляд, не то выражение лица – он выглядит лукавым, хитрым, его глаза слишком широко расставлены. Ну, и в том же духе. Они растят ребёнка-монстра и не знают этого.

– А она это видит?

– Ну... Он пытался улыбкой скрыть своё затруднение. – В конце он полагает, что она тоже это видит. Она поджигает себя и он полагает, что, что-то заставило её сделать это. Проблема разговора о книге, над которой работаешь, состоит в том, что, когда ты начинаешь о ней говорить, тебе не хочется над ней работать. Звучит по-дурачки!

Она промолчала несколько секунд и затем сказала:

– Я всё время думала над тем, что вы сказали. И что я сказала. Как и вы со своей книгой я не люблю говорить об этом. Кончиком зонта она нарисовала какой-то рисунок.

– Я ходила навестить Рут Касл. Рут Касл была той самой дамой, которая владела домом на Уэстерли Стрит, где Таис как-то пришлось работать. – Рут умная женщина, добрая женщина. Сейчас она много пьёт, но у неё толковая голова на плечах. Мы не могли наговориться.

– Ну, так, что?

Она посмотрела на него снизу вверх. Фактически в первый раз, с тех пор как он поднялся по ступенькам. – Вы напугали меня, Мортон. Вы хотели слишком много и всё сразу.

– Наверное, это шесть месяцев...

– Спустя шесть месяцев люди не продолжают с того, где они расстались.

– Виноват, если я торопил вас. Но, знаете, не хотел притворяться. Ухаживать за вами, добиваться вас, всё это – унижительная чепуха.

Она ещё немного поиграла кончиком зонта. – О чем это вы говорите? И перед тем, как что-то на это ответит, она подняла зонт, как бы защищаясь от того, что он собирался сделать. – Не произносите этого слова. Не сентиментальничайте. Я не сентиментальна, да и вы тоже. Ни один из нас не знает, что такое «любовь».

– Я собирался сказать – мы могли бы пожениться.

– Никогда. Слышите, никогда. Я скорее снова вернусь на улицу, чем сделаю это. Вы выбрали не ту женщину, Мортон. Мне нужно пространство вокруг меня. Мне нужна пустота – чтобы никого рядом со мной. Это единственный способ решать что-то, – наверное, для себя самой, много меньше, чем это делаете вы.

– И что тогда?»

– Тогда, что бы у нас из этого не получилось. Время, Мортон, потребуется время; не торопите меня и сами не торопитесь. Всё прояснится или не прояснится вообще. Вы сказали, что хотите быть со мной; да, я тоже хочу быть с вами, я поняла это вчера, я увидела такую возмож-

ность. Никогда не думала, что захочу этого, никогда не думала, что для кого-то ещё есть место, кроме меня. Но я вам ничего не обещаю. Не могу вам ничего обещать. Не хочу вас обманывать.

– Я не собираюсь за вами ухаживать, Таис.

– Ну, тогда, и, слава Богу. Она выпрямилась. – Давайте пройдемся.

– Из того, что вы сказали, следует, что вы меня окончательно не вычеркнули?

– Мортон, я и так допустила вас к себе ближе, чем кого-либо ещё в своей жизни! Неужели вы этого не понимаете?

Он протянул руку и прикоснулся к капюшону плаща. Это было неуверенное движение, которое мужчины делают, чтобы увидеть, можно ли идти дальше; она, должно быть, поняла это движение, но ни отстранилась, ни поощрила его. Их глаза встретились и застыли; он поцеловал её; к его удивлению, она ответила на поцелуй, страстно, но очень кратко, и снова произнесла:

– Давайте пройдемся.

Когда они спускались по ступенькам, далеко впереди он увидел одинокую фигуру на набережной, которая тут же отвернулась и стала смотреть на реку.

– За мной следует человек, – сказал он. – Это полицейский. Я знаю эти резиновые плащи.

– Что вы натворили?

Он рассмеялся без оттенка юмора. – Долгая история. Он начал рассказывать ей об Альберте Джадсоне.

Они гуляли где-то час и оказались на Оксфорд Стрит, пошли дальше и повернули на Черч Стрит и дальше направились к ресторану Кеттнерс*. Она удивила его ещё раз, не отказавшись поужинать; он думал, что она не захочет появляться с ним на людях, но оказалось, что ничего подобного. Они оба проголодались, съели кучу блюд французской кухни, выпили бутылку вина и много смеялись. Так бывает, сначала почти ультимативный разговор, от которого зависит будущие отношения, затем облегчение, даже некая беспечность, вроде эмоционального истощения, даже если внутри остался груз.

Они поговорили о разных вещах. Она рассказала ему, что уходит из Общества содействия заблудшим женщинам. Она собирается перевести свою мать в место поприличнее; она хочет найти себе новое жилье. Вместе с тем, она оставалась вызывающе независимой: его намёк на то, что она могла бы жить с ним, на какое-то время рассердил её.

Произошло столько событий, что он уже запутался – о чём он уже говорил ей, а о чём – нет. Он только потом понял, когда она смутилась чем-то, когда он сказал, что она ничего не знает о том загадочном письме, найденном на миниатюре Грейгарс.

Он рассказал ей о записке на картине, оставленной молодой женщиной по имени Кэтрин Джонсон; об Давид Корвуде, о торговце произведениями искусства Геддисе.

– Что вы предприняли по поводу той женщины?

– Встретился с Пансо – кажется, что было уже несколько недель назад. Это не его юрисдикция.

– Вы ходили в Слейд?

– Это где, как сказал Геддис, она была студенткой? Нет. Я уверен, они не стали бы даже говорить со мной – выдавать информацию о женщине мужчине, который не является ни её родственником, ни даже другом?

– Мне бы они её сообщили. Я бы сказала им, что она обратилась в Общество за какой-нибудь офисной работой, но мы потеряли её адрес.

– Вы бы это сделали? И когда?

– Завтра. Как насчёт завтра?

– Ну, да завтра, да...

– Поохотимся ещё за одним диким зайцем вместе, Мортон?

– Прошлый раз вроде удачно получилось, так ведь?

Она потрогала шрам на своём лице. – В этот раз опять будет монстр? Она ему как-то сказала, что верит в то, что все мужчины ненавидят всех женщин.

– Надеюсь, нет.

Она улыбнулась. – Ну, это нечто, что мы бы могли сделать вместе, пока мы идём навстречу друг к другу.

Она не разрешила себя провожать домой. Повторения поцелуя также не произошло, что, теперь он был уверен, было знаком препинания, а не утверждением. Он посадил её в двухколёсный экипаж и смотрел, как он удаляется в дождь. Как и он это видел его полицейский соглядатай, на этот раз полный мужчина в мешковатом костюме из твида.

Время, – сказала она. Давать себе время подумать было нелепо для людей их возраста. Всё это было как-то нелепо – мужчины, женщины, поцелуи, эмоциональное истощение, ожидание. Но, видимо, неизбежно.

Глава 7

На следующий день он встретился с Таис Мельбур перед медицинским колледжем лондонского университета на Говер Стрит, на дорожке в лишённом сегодня цветов садике рядом с входом в колледж. Люди, в основном студенты, обходили их. Она уже посетила администрацию колледжа Слейд.

Он сказал: – Я встречался с Пансо по поводу её. Все участки и офис коронера никогда не слышали о Кэтрин Джонсон. Это значит, что она не заявляла, что кто-то пытается причинить ей зло, и что её тело не было найдено.

– Хорошо, поскольку мы сейчас поговорим с ее домовладелицей.

– Вы узнали адрес?

– Люди из Слейда старались мне помочь. Было не просто – фактически, это было несколько месяцев назад, похоже, она произвела мало впечатления, а студенты уходят постоянно. Я узнала, что она была в списке, собиравшихся стать фотомodelью, ей, вероятно, нужны были деньги».

– В этих, как их – без одежды?

Таис Мельбур рассмеялась. – Нет, одетая. Нагие модели – это особая статья, как мне кажется.

– А почему они поверили в то, что Общество содействия заблудшим женщинам заинтересовано в ней? Они, что, предположили, что она заблудшая?

– Нет, это я сказала, что мы заинтересованы открыть художественный класс для наших женщин. Это не вызвало у них подозрений, они даже дали мне имена других студентов, которые хотели бы преподавать.

– Она им сообщала, что собирается уйти?

– Только записка, предположительно после того, как она ушла домой. Кто-то принёс её, так они думают, они не помнят. Я спросила о её друзьях. Конечно же, они ничего не знают – это всего лишь администрация. Они предположили, что я могла бы встретиться с человеком по имени Тонкс, который преподаёт рисование. Естественно его там в это время не оказалось. Ну, что, пойдём?

– Вы, похоже, просто жаждете подключиться к моему проекту.

– Я вам уже сказала, – это что-то, что мы можем сделать вместе».

Звучало обнадеживающе. – Вы можете войти в мою жизнь, а я в вашу, похоже, нет?

Она смотрела в сторону, будто что-то привлекло ее внимание на Говер Стрит.

– Наверное, в этом что-то есть. Она схватила его за руку. – Пойдёмте – дождь начинается.

– Не как вчера. Он был рад прозвучавшей реплике, испугавшись, что вчерашним эмоциям, поцелую, ужину позволят ускользнуть. Она глянула на него, нахмурилась и покрылась румянцем.

– Мы идём на Фитцрой Стрит. Вы знаете, где это, Фитцрой Стрит?

– А почему вы только что улыбнулись?

– Потому что мы оба думаем о вчерашнем вечере. Она рассмеялась. – Ну, разве не пара дураков...?

Номер 22 по Фитцрой Стрит был высоким домом, выходящим прямо на тротуар, его кирпич потемнел, а в окне на улицу было объявление о сдаче комнат. Несмотря на сломанную урну, валявшуюся рядом со ступенями, и, несмотря на рёв и запах конской мочи, доносившихся с проходящей рядом Юстон Роуд, дом являл собой вид непреклонной респектабельности. На улицу выходила стена без окон, так что никаких пакетов с едой, охлаждающихся снаружи, никаких разбитых окон, заклеенных бумагой, никаких свидетельств студенческой

убогости через не зашторенные окна. Рядом со звонком от руки на бумаге было написано «Миссис Дернкесс».

– В Слейде её имя записано. Она вроде предпочтительного приюта для новых студентов, полагаю, что у неё всё в порядке с отзывами. Женщина, с которой я разговаривала в Слейде, сказала, что миссис Дернкесс «родители доверяют», что бы это ни значило. Не могу себе представить, что родители, чья девушка учится в Слейде, знают многое из того, что на самом деле происходит, если только они не живут на Юстон Сквер.

Прозвучал звонок. Через тридцать секунд после второго звонка девочка-подросток с ирландским акцентом открыла дверь. Не дожидаясь услышать, чего они хотят, она произнесла, – Комнат нет – все сданы.

– Я хочу увидеть миссис Дернкесс, девочка моя. Голос Таис Мельбур, мог бы пройти и сквозь сталь.

– О, да, мэм. Не разглядела вас сразу, извините, мэм. Сейчас я ее позову.

– Можно, мы войдём?

– Конечно же, можно, мэм, Я весь день мечусь между шестой и седьмой комнатами, пожалуйста, извините – беспорядок, который студенты оставляют, мэм и сэр. – Я сейчас её позову. И она пошла по коридору, который уходил вглубь дома. Дверь слева когда-то вела в переднюю гостиную, а сегодня, предположил Мортон, сдаётся кому-то, кому доверяют, что он не будет раскрывать шторы, выходящие наружу. Слева от них на верхние этажи вела лестница, по которой устало стелилось нечто считавшееся ковром и не падающее вниз, только благодаря удерживающим его потускневшим планкам. Перила и их стойки свидетельствовали о многочисленных конфликтах. В здании пахло варёным мясом.

– Я видел и похуже, – пробормотал Мортон.

– Я жила похуже.

Прислуга-ирландка снова появилась в конце коридора, приглашая их пройти к ней. Волосы девочки свисали из-под неопрятной шапочки потными кудряшками. Она застёгивала рукава, которые, похоже, были закатаны и пуговицы расстегнулись, когда она открывала им дверь. – Миз Де примет вас в гостиной, – сказала она, указав на последнюю дверь, и скрылась.

Постучавшись, они услышали пригласивший голос. Через открытую дверь они увидели комнату, битком заставленную мебелью, наверное, все «ценные» вещи со всего дома, остальное было оставлено жильцам. Диван «честерфилд»³⁹, похоже, раскладывался в кровать. Стены были увешены картинами, на которых в глаза бросалось обилие коров, и рамки которых наезжали одна на другую. На другом берегу этого моря беспорядка, там, куда попадал свет от окна, сидела необъятная женщина. Её чёрное платье и чепец свидетельствовали об аскетизме, а вот избыток плоти утверждал излишество в еде. – Я миссис Дернкесс, – произнесла она. – Я не встаю.

– Не беспокойтесь. Таис Мельбур вошла в комнату так, будто была её владелицей и протянула свою визитную карточку. – Меня зовут миссис Мельбур из

Общества содействия заблудшим женщинам. А это один из наших патронов, хорошо известный писатель мистер Мортон. Наш визит связан с благотворительностью, миссис Дернкесс: мы ищем местонахождение одного из ваших жильцов.

– Местонахождение моих жильцов здесь, иначе они не мои жильцы. В этом отношении я очень строга. Мортон услышал в её акценте притворную аристократичность, но он плохо разбирался в английском, на котором говорят англичане, всё, что произносилось с опущенным Х, было для него «кокни»⁴⁰, большая часть остального диалекта – «жеманная манерность».

– Мы надеялись, что вы сможете нам помочь.

– Была бы очень счастлива, помочь вам, миссис... м-мм – Мельбурс, я не надела очки, особенно, если вы поставите меня в известность, о ком идёт речь.

– Молодая женщина по имени Кэтрин Джонсон.

На её толстом лице появилась недовольная гримаса. Чувство тактичности отказало ей. – Ушла, – сказала она.

– Ах... – голос Таис показался таким же манерным, как и домовладелицы; он никогда раньше не слышал, чтобы она напускала на себя полный глянец человека среднего класса. – Как мы и боялись. От нас тоже ушла – о, нет, не как один из наших клиентов, не как одна из тех женщин. Скорее, как доброволец. Как помощница.

– «Ушла. Миссис Дернкесс вздохнула. – Не как некоторые, не свернув свои пожитки, как арабы, посреди ночи, и втихаря, ускользнув на Фитцрой Стрит. Нет, она была доброй и честной девушкой; она исправно платила аренду, и за неделю вперёд, но всё равно она ушла.

– Могу я спросить, когда? Мы потеряли ее с августа.

– Да, это и было в августе. Не хотите присесть миссис, м... мм, и вы, сэр. Я уже подолгу не стою, но я знаю, что это утомительно. Вот это кресло от королевы Анны⁴¹ или рекамье⁴² вполне удобны. Да, это было в августе. Она оставила мне записку и шиллинг, а потом исчезла.

– Вы не знаете, почему?

Голова, украшенная сверху седыми, похожими на сосиски завитками, которые вряд ли были полностью естественными, покачалась вверх-вниз. – Из-за ее отца. Там был несчастный случай на заводе. У меня самое смутное представление, что это был за завод, и слой общества был не самым лучшим, но она была доброй, милой девушкой с манерами куда выше этого положения.

– Она вам сообщила в записке, что с отцом случился несчастный случай на заводе? И что она уезжает домой, чтобы быть с ним? А где находился дом?»

Миссис Дернкесс махнула рукой, от чего её дряблые мышцы повисли как тесто.

– Где-то на Западе.

– Корнуолл? Девоншир? Уэльс?

– Кэтрин была художественной натурой и страдала от типичного недостатка художников – своеобразия, хотя, может, именно это своеобразие делает их художниками. Многие из моих жильцов художники или художники в зачаточном состоянии. Когда почивший мистер Дернкесс ушёл от нас – он также был художником, его дважды принимали в Берлингтон-Хаусе⁴³, но, увы, не в Королевскую Академию – мне остался только этот дом и его картины. Полная рука указала на стены. А сейчас я живу тем, что сдаю комнаты, которые были для меня домашним приютом, студентам, посвящающим свою жизнь этому великому делу – Искусству.

– Ах. Таис быстро глянула на Мортон. – Мистер Мортон разговаривал с ее работодателем. С этим человеком, Геддисом?

– Вот как. Я никогда не одобряла, и не буду одобрять отношения мужчины намного старше и слишком молодой женщины. Нет, не к тому, что там что-то было между ними. Я не одобряю всякие догадки, особенно по этой причине. И все же... Она подняла свои крохотные и подкрашенные брови. – Он провожал ее домой после работы гораздо чаще, чем это должен был делать джентльмен.

– А она могла убежать с ним?

– Ох! Это был почти хриплый тихий визг. Мысль о возможности побега произвела очень сильный эффект. – В Гретна Грин?⁴⁴ Думаю, что вряд ли. Я потребовала объясниться с ним в январе и напомнила ему, что мы должны производить впечатление честных и быть честными в жизни на самом деле. Людям, сказала я, нельзя давать повод для скандала. Я потребовала от него сообщить мне, что означают его проводы ее домой. Она слегка выпрямилась и втянула воздух носом. – Он показался мне очень лстивым человеком, коим человека делает несколько непривлекательный физический недуг. Я ему сказала, что на меня не действует лесть и притворство. Он понял, о чём я говорю, и откровенно сказал, что провожает Кэтрин домой, потому что она его работник слишком наивное и хорошенькое создание для города полного рисков.

Я выразила ему то, что я называю сомнением в пользу ответной стороны. В конце концов, это правда, что такой ребёнок как Кэтрин, откровенно говоря, была слишком незащищённой.

– И чем это все закончилось? Запиской и шиллингом?

– Ну, почему же, нет, там был ещё её брат. Я имею в виду потом. В своей записке она написала, что её брат приедет за её вещами, и что он привезёт от неё ещё записку в качестве своего рекомендательного письма. Так он и сделал.

– А что он был за человек?

– Ну, похожий на Кэтрин. Можно было сразу разглядеть фамильное сходство. Крупнее ее, это конечно, мужественный, довольно плохо изъясняющийся, боюсь – пошёл в отца, полагаю. Кэтрин говорила как леди. Но у него была упомянутая записка и он забрал её вещи, вот на этом и всё.

Мортон наклонился вперёд. Он сидел на стуле с сиденьем на конском волосе, очень высоком посередине, и, если не удерживать баланс, то можно было соскользнуть с него.

– А что у неё были за вещи?

– Она была небогата вещами материального мира. Он привёз небольшой чемодан и человека, чтобы нести его, он сложил её вещи туда, и они ушли. Она махнула другой рукой в сторону вокзала Юстон.

Мортон задал ещё вопросы относительно брата, но она уже рассказала им всё, что знала. Что касается человека, переносящего чемодан, она сообщила, – моя служанка Хана общалась с ним.

Затем миссис Дернкесс сказала, что устала, и что просит её извинить, и потянула за шнур с кисточкой, который свешивался с чугунной рукоятки рядом с лепным украшением. Таис Мельбур попыталась задать ещё пару вопросов, но они уже получили ответы, которые хотели получить; полминуты спустя они уже были в коридоре.

Медленная тяжёлая походка свидетельствовала о приближении ирландской служанки Мортон дал ей шиллинг. – Мы ищем Кэтрин Джонсон.

– И кто же это? А, да, та маленькая, что жила в седьмой комнате. Она ушла давным-давно.

– Думаю, прошло всего три месяца – сказала Таис Мельбур.

– А для меня, единственной здесь прислуги, показалось, что прошли года.

Мортон посмотрел на Таис взглядом, который говорил, что хотел бы поговорить сам, и, повернувшись снова к служанке, произнёс, – тебя зовут Ханна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.